

ЗАЛИМХАН АБДУЛАЕВ

ДНЕВНИК
ПРОФЕССОРА ЭЛЬБАЕВА

ПОВЕСТЬ

1

Жизнь провинциального хирурга буднична, однообразна и даже немного скучновата, если не любить свою профессию. Настоящему врачу скучать некогда, а молодому хирургу всегда интересней быть в операционной, чем развлекаться, как его ровесники.

Только это до поры до времени, если жить в глубокой провинции да поработать на одном месте лет двадцать. Со временем операции, даже по экстренной хирургии, становятся рутинными, интересных случаев всё меньше, новых методов лечения придумать не удаётся. Вот поэтому я и стараюсь выезжать при малейшей возможности на различные конгрессы и конференции в Москву или Санкт-Петербург.

Приехав в очередной раз в Москву на международный конгресс хирургов, я познакомился с замечательной женщиной-хирургом, профессором Эльбаевой Тамарой Аслановной. Она преподавала в МГМУ имени Сеченова и занималась вопросами хирургической панкреатологии. На конгрессе она выступала с докладом о применении новых хирургических технологий

АБДУЛАЕВ Залимхан Мухадинович родился в 1974 году в Нальчике. В 1999 году окончил Кабардино-Балкарский государственный университет. Кандидат медицинских наук. Работал хирургом в Нальчике и Тырныаузе, непрерывно повышая свою квалификацию. В 2009 году талантливый многопрофильного врача пригласили в Москву, где он живёт и работает по сей день. Данная публикация — дебют автора как прозаика.

в лечении острого панкреатита. Когда выступление закончилось, я подошёл познакомиться поближе и пообщаться.

Мы обсудили доклад, Тамара Аслановна была тепло расположена, дала мне подробные ответы, и тогда я решил поговорить с ней о личном.

— Вы знаете, Тамара Аслановна, а у меня бабушка тоже Эльбаева.

— Да вы что? — на лице профессора появилась улыбка. — Мы, значит, с вами родственники?

— Получается, да. Вы откуда сами родом? С Чегемского ущелья?

— Ой, нет, что вы! Сама я родилась и выросла в Москве. Оттуда родом мой папа, только, по-моему, не с Чегемского, а с Баксанского ущелья. Селение Былым, если я не ошибаюсь.

— Нет, не ошибаетесь. Эльбаевы жили и в Верхнем Чегеме, и в Приэльбрусье. А как звали вашего папу?

— Эльбаев Аслан Хатуевич. Он был известным человеком, он — доктор медицинских наук, профессор. Считается одним из ведущих хирургов Советского Союза.

— Да, я слышал о нём, но, к сожалению, очень мало. Информация весьма скудная. Ваш отец младший брат моего прадеда.

— Информация скудная, потому что он написал воспоминания о своих репрессированных родственниках и выселении балкарского народа. А об этом в те далёкие времена писать строго запрещалось. Потому-то и старались умалчивать. А как звали вашего прадеда?

— Али. Эльбаев Али Хатуевич. Тамара Аслановна, а как сложилась судьба Аслана Хатуевича?

— К сожалению, он умер от инфаркта в 1976 году. Мне папа часто рассказывал про Али и своих братьев. Его дневники и воспоминания сохранились. Там ваш прадед тоже упоминается. Если хотите, могу вам их показать.

— Мне было бы очень приятно.

— Ну, тогда приходите сегодня вечером в гости. Я живу в Доме на набережной, Серафимовича 2.

Я обрадовался, что побываю в Доме на набережной, где жила партийная номенклатура середины прошлого века, и познакомлюсь с родственниками.

Купив подарки, я приехал в знаменитый дом. Квартира на пятом этаже, с видом на Кремль. Нашёл я её довольно быстро. Тамара Аслановна приняла меня радушно и пригласила к столу. Честно говоря, я был потрясён интерьером квартиры. До мебели олигархов, конечно же, далеко, но аура потрясающая. Старинные столы и стулья, а также диван и стенка в гостиной напоминали кабинеты учёных, академиков и писателей, которые я до этого видел лишь в исторических и научно-популярных фильмах. На стене — красивый ковёр, большой портрет Серго Орджоникидзе в центре, а по бокам портреты Аслана Хатуевича и его супруги, Нины Вахтанговны, матери Тамары Аслановны.

На диване сидела пожилая женщина, которой и представила меня Тамара Аслановна.

— Вот, Этери Григорьевна, знакомьтесь: наш родственник из Кабардино-Балкарии, с самого Приэльбрусья. А это — Этери Григорьевна Орджоникидзе, дочь Серго Орджоникидзе.

Этери Григорьевна пожала мне руку и сказала, что очень приятно видеть человека с Приэльбрусья.

— Я бывала часто у вас в горах. Хусей Чоккаевич Залиханов вам, случайно, не родственник?

— Нет, но у нас много общих родных и знакомых. К сожалению, я не был с ним знаком.

— Он жив, надеюсь?

— Нет, к сожалению, умер в конце девяностых.

— Жалко. Мы с ним очень дружили, он меня знакомил с вашими местами. Прекрасный у вас район, да и вся республика тоже. Кстати, мы с Тamarочкой вам сюрприз приготовили.

В это время зашла с кухни Тамара Аслановна и внесла на большой тарелке наши балкарские хычины — тонкие пироги с сыром и картошкой. Я был приятно удивлён.

— Это отец научил маму, а потом меня готовить это блюдо, — с гордостью пояснила Тамара Аслановна.

Мы сели за стол. Чуть позже подъехал муж Тамары Аслановны — профессор Арчил Гурамович Ревишвили с их сыном Гурамом. Арчил Гурамович руководил клиникой в Сеченовской академии, где ранее работали Аслан Эльбаев и профессор Лемке. А Гурам Арчилович работал там же хирургом и доцентом кафедры факультетской хирургии. На этой же кафедре работала и Тамара Аслановна. Вот такую хирургическую династию создал Аслан Хатуевич Эльбаев.

После того как мы познакомились, разговоры шли больше о хирургии. Естественно, мне, как хирургу из провинции, наиболее интересны медицинские темы. Всё-таки беседовал я не просто с родственниками, а с профессорами из ведущего медицинского вуза России. Гурам просил меня побольше рассказывать о Кабардино-Балкарии. Он переживал, что балкарская линия родственников для него закрыта, и изъявил желание приехать на родину своего дедушки.

Конечно же, я пригласил в гости в Кабардино-Балкарию прекрасную семью Тамары Аслановны, а они, в свою очередь, предложили мне переехать в Москву. Арчил Гурамович пообещал взять меня на работу, а также помочь с докторской диссертацией. Тамара Аслановна и Гурам поддержали идею, а я, поблагодарив за предложение, попросил немного времени, чтобы решить кое-какие вопросы.

Я объяснил, что мне нужно уволиться и найти жильё в Москве. Гурам сказал, что он с семьёй живёт в бывшей квартире профессора Лемке, которую тот завещал своему ученику и деду Гурама — Аслану Хатуевичу. А родители живут одни в пятикомнатной квартире, и места в ней мне хватит.

Получив дневник своего далёкого и уважаемого предка Аслана Хатуевича Эльбаева, я с Гурамом спустился к нему в квартиру. Ночевал я в комнате, где когда-то жил Аслан Хатуевич. Здесь всё оставили, как было при нём. Мебель решили не трогать в память о прославленном дедушке. Я сел за тот самый стол, где когда-то писал свой дневник Аслан Хатуевич, и приступил к его изучению.

Меня охватило огромное волнение, когда я открыл первую страницу. Я почувствовал, как переместился в то время, когда жили мои далёкие предки: прадед Али и его братья Шалук, Касым, Мусаби, Мусост и Аслан. Я ведь толком ничего о них не знал. И вот...

Тяжёлое время пережили братья. Революция, репрессии, раскулачивание, переселение. Врагу не пожелаешь. Многих тогда расстреляли, но род Эльбаевский всё же сохранился. И много достойных людей вышло из этой славной фамилии.

Перелистав страницы, ощутив запах прошлого, я приступил к чтению.

2

“Родился я в селении Былым, нас у родителей шестеро сыновей. Касым, Шалук, Али, Мусост, Мусаби и я. Имели своё хозяйство. Без него никак нельзя было выжить. Времена стояли голодные, только закончилась гражданская война. Благодаря тому, что у нас был крупный и мелкий рогатый скот, плодоносящий сад, в еде мы тогда не нуждались. Но чтобы вести хозяйство, надо было работать от зари до зари. Братья были трудолюбивые, старались и меня приобщать к труду.

Несмотря на то, что крестьянский труд оставался в приоритете, родители требовали, чтобы мы получали знания, занимались самообразованием. Если старшие могли отмахнуться и сказать, что им некогда учиться, то у меня это не проходило. Отец требовал, чтобы я посещал ЛУГ (Ленинский учебный городок) и готовился поступать в медицинский институт.

Да и меня особо заставлять не требовалось, медицина была моей мечтой. Помимо ЛУГа, со мной занимался старший брат Али. Он только что закончил училище в Ленинграде и вернулся домой.

Признаюсь честно, в школу ходить я не очень любил, но ЛУГ посещала соседская девочка Зуля Ахматова, она была моей первой любовью. Я влюбился в неё с первого взгляда, но боялся ей в этом признаться.

Да и не принято это у нас в горах признаваться в любви и тем более встречаться. Поэтому я понимал, что посещение школы — отличный повод провожать Зулю на учёбу и домой.

Я был уверен, что женюсь только на ней. Если бы я знал, какая меня ждёт судьба... К сожалению, как сложилась жизнь у Зули, я не знаю. Жива ли она сейчас? Дай Аллах, чтобы она была жива, здорова и всё у неё было хорошо.

А в те далёкие 20-е годы я даже и не предполагал, что буду жить в Москве. Надеюсь, что стану врачом и буду лечить односельчан в Быльме. Женюсь на Зуле и буду жить с ней вечно. Буду доктором, занимаясь сельским хозяйством.

Обо всём этом я каждый день говорил Зуле, но она только смеялась надо мной.

В нашем доме было много гостей. Родственники, друзья моих братьев. Одного хорошо запомнил — звали его Ако Гемуев. Один из руководителей нашего района. Друг моего брата Касыма.

Последнее время Касым мне совсем не нравился. Ходил нервный, взволнованный. Переживал за что-то. Как-то вечером он пришёл домой поздно, и произнёс:

— Ако арестовали. Это дело рук Бетала Калмыкова. Скоро и за мной придут.

Мы пытались его успокоить, говорили, что это ошибка, что во всём разберутся, но в этот момент постучали в дверь и зашли работники ОГПУ. Сказав, что Касыма приглашает на беседу Бетал Калмыков, они увезли брата, пообещав, что Касым скоро вернётся. Касым же почувствовал, что домой больше не вернется, я это понял по его взгляду.

Больше мы брата не увидели. Через несколько дней мы узнали, что Касыма расстреляли.

До сих пор не могу забыть, какими глазами он оглядел всех нас. После чего произнёс: “Братья, берегите родителей”, — и ушёл навсегда.

Времена настали очень тяжёлые. В Ростове застрелился Магомед Энеев, хотя родственники утверждали, что его убили. Вместе с Касымом расстреляли Назира Катханова, Заракуша Мидова и многих большевиков, которые составляли серьёзную конкуренцию Беталу Калмыкову.

Этот выскочка с двухклассным образованием уничтожил всех, кто мог встать на его пути вверх. Дорвавшись до власти, он боялся, что кто-то, образованнее его, мудрее его, окажется у руля республики вместо него.

Арестовали также Магомеда Ахматова, Зулиного отца. Мать Зули решила уехать из Быльма, надеясь, что это спасёт её и Зулю. Куда они уезжали, я так и не узнал.

Увидев, как машина увозит мою любимую, я со слезами на глазах бросился за ней. Да только, к сожалению, ноги колесам не соперники. Поняв это, я остановился и увидел картину, которая всю жизнь стояла у меня перед глазами и часто снилась. Зуля, сидевшая на вещевых мешках и баулах в кузове машины, встала, помахала мне рукой, и я чётко прочитал по её губам фразу: “Я люблю тебя”.

Больше я Зулю никогда не встречал, машина навсегда увозила мою первую любовь в неизвестность. Теперь, спустя годы я могу понять поступок её матери: бегство из Быльма спасло их семью от калмыковщины. Надеюсь, что это так. И больше никто не причинил им вреда.

3

Вечером я зашёл домой и увидел мрачные лица братьев. Али встал, подошёл ко мне и сказал:

— Аслан, карындаш, завтра тебе нужно будет поехать в Кисловодск,

там найдёшь товарища Орджоникидзе. Передай ему подарки и вот эти два письма.

Я удивился такой просьбе. И почему именно меня, младшего, отправляют?

— Али, ты соображаешь, о чём меня просишь? “Поедешь и найдёшь Орджоникидзе”. Где я, и где товарищ Серго? Ага, ждёт он меня не дождётся! Очень же я нужен ему с вашими письмами и подарками.

— Аслан, не пререкайся и слушай старшего брата, — вмешался в разговор Шалук.

— Шалук, я не пререкаюсь, но вы с Али серьёзно верите, что товарищ Орджоникидзе только и делает, что сидит и мечтает, когда же Асланчик из Быльма к нему приедет?

Отец, всё это время молча сидевший за столом, движением руки указал мне на стул:

— Однажды, когда отряды белогвардейцев под командованием Даутокова-Серебрякова вошли в Баксанское ущелье, к нам в дом постучали. Это были Бетал Калмыков, Заракуш Мидов, Серго Орджоникидзе и Сергей Киров. Бетал обратился ко мне с просьбой о помощи — спрятать его и товарищей. Мы спрятали их в подвале, за ящиками с яблоками и мешками с картошкой. Как только мы вышли из подвала, увидели, как отряд Даутокова продвигается по нашему селению. Трое всадников направились к нашему дому. Слава Аллаху — это были свои. Два брата Суюнчевы — Маштай и Кумук, а третий — грузин Константин Чхеидзе. Маштай первым зашёл во двор и поздоровался. Следом вошёл Кумук и представил меня своему другу: “Знакомься, Константин, это Хату Асланович Эльбаев, мой родственник и уважаемый человек. А это его сыновья Касым, Али и Шалук”.

Я с мамой, Мусаби и Мусостом в это время находился в нашем имении, в районе Чалмалла, и эту историю слышал впервые. А отец тем временем продолжал рассказ:

— Маштай и Кумук объяснили, зачем пришли. Сказали, что преследуют красных бандитов Орджоникидзе и Кирова, которые, по данным разведки, скрываются в Быльме. Я предложил обыскать наш дом, на что Маштай обиделся: “Ты, дядя Хату, совсем на старости лет рехнулся? Обыскивать дом человека, который мне, как родной отец? Ну, и кто мы после этого?” — “Дядя Хату, мы поесть хотели, ну и гостя нашего Костю угостить. А то целые сутки на лошадях гоняемся за этими красными шайтанами. Хычины есть, надеюсь?” — добавил Кумук. “Конечно, есть! — ответил я. — Для вас мой дом всегда открыт”. Мы пригласили гостей в дом, покормили. После того как все насытились, сопровождавший братьев Чхеидзе сказал: “Маштай, Кумук, я знаю, куда направились Орджоникидзе, Калмыков и вся эта банда. Они хотят через перевал перейти в Сванетию. В Быльме их искать бесполезно. Давайте поблагодарим хозяев за хлеб-соль и двинем в путь поскорее”. Мы обнялись с братьями Суюнчевыми, которые были нам как родные, и попрощались. Как только они ушли, Калмыков и его гости вышли из подвала. Они нас очень благодарили. Бетал Калмыков говорил, что любую просьбу выполнит. Серго Орджоникидзе сказал мне, что я и мои сыновья для него родные братья, после того как спасли его жизнь. А так ли это? Калмыкову уже поверили и проверили. Действительно, Беталу Калмыкову многие поверили, а какая была за это благодарность — все уже знают.

С Калмыковым мы встретимся позже, об этом я напишу ещё. А пока я собирался в дорогу. На следующее утро я выехал в сторону Кисловодска и вечером был уже на даче Серго Орджоникидзе. Серго тепло принял меня, узнав, чей я сын и брат, очень обрадовался. Серго хорошо помнил тот день, когда мои отец и братья спасли его от смерти. Я ему рассказал, что произошло с Заракушем Мидовым и моим братом Касымом. Затем передал письмо ему от моего отца. Прочитав его, Серго побледнел, покачал головой и сказал: “Обратно домой ехать тебе небезопасно. Поедешь со мной в Москву”. Потом оказалось, что отец просил спасти меня от Калмыкова и увезти подальше от дома. Так я распрощался с родителями и братьями. Вместе с Серго, его женой и маленькой дочкой Этери я уехал в Москву.

Итак, я поселился в Москве в знаменитом Доме на набережной. Роскошная квартира Григория Константиновича (так на самом деле звали Серго Орджоникидзе) произвела на меня огромное впечатление. В квартире, кроме семьи Орджоникидзе, также жила их родственница из Грузии — очень красивая девушка Нина. Кем окажется этот человек в моей жизни, я ещё не знал, но сердце дрогнуло и почувствовало, что это моя судьба.

Мы сели за стол, Серго познакомил меня с Ниной. Она сидела напротив, и я не мог оторвать от неё глаз. Лишь на мгновение я отвёл от неё свой взгляд, когда в дверь постучались. Вошёл пожилой человек интеллигентного вида, с очень недовольным взглядом. Это был профессор Лемке, Теодор Эрнестович, известный хирург из Кремлёвской больницы.

Войдя в квартиру, он поздоровался со всеми и сел к столу вместе с нами. После чего обратился к Серго:

— Ну-с, с приездом вас, Серго Константинович. Как вам отдыхалось на Кавказских Минводах?

— Спасибо, Теодор Эрнестович. Отдых пошёл на пользу. Вот племянника привёз в Москву. Он только школу закончил. Сейчас будем думать, где ему дальше учиться и жить. Скажите, профессор, а почему у вас такой недовольный взгляд? Вы чем-то расстроены?

— Ну-с, Григорий Константинович, отвечу вам на все вопросы сразу! И чем я недоволен, и где жить и учиться вашему племяннику.

Я живу один в пяти комнатах и очень боюсь в них заблудиться. Во-первых, мне тоскливо, а во-вторых, одному тяжело, и мне очень нужен помощник. Поэтому ответ на вопрос, где учиться и жить Асланчику, прозвучит решительно: “Однозначно у меня. И обучаться медицине”.

Я был ошарашен таким предложением, мне стало как-то неловко. Профессор улыбнулся и спросил:

— Дорогой товарищ Аслан, вам нравится медицина?

— Это моя мечта: стать хирургом. Только мне неудобно стеснять вас и Серго Константиновича. Я сниму комнату лучше где-нибудь.

— Какая ещё комната, ты сдурел, что ли? — разозлился Серго Константинович. — Во-первых, я обещал твоему отцу и братьям, что буду рядом с тобой и буду опекать. Во-вторых, где, какую комнату ты снимать собрался, если Москвы не знаешь?

— Любезный Аслан, ваша скромность делает вам честь. Только комнату можно снять и у меня, а платой будет ваша любовь к медицине, стремление учиться и развиваться в профессии хирурга. Будете помогать мне писать статьи, разбираться с бумагами и книгами.

Я был очень рад и согласился. Оказалось, что профессор Лемке жил этажом ниже семьи Орджоникидзе.

В его квартире также жили домработница Клавдия Ивановна с дочкой Катей. Клавдия Ивановна занималась кухней, приготовлением пищи, а Катя — уборкой. Катя с мамой жили в одной комнате, а мне предоставили другую. В третьей комнате жил сам профессор. Ещё в квартире был кабинет профессора с библиотекой и роскошная гостиная.

— Вот, Асланчик, здесь мы и будем жить с вами. Вы располагайтесь в своей комнате, а я пока позвоню ректору мединститута, чтобы решить вопрос о вашем поступлении.

5

Мне понравилась квартира профессора, но мне жутко хотелось вернуться в родной Былым. Никакая Москва не могла мне заменить родные балкарские горы и мою семью. Только вернуться мне было не суждено...

Я тогда не знал ещё, что расстреляли моих старших братьев Али и Шадлука, арестовали Мусаби и Мусоста. Как смог бы им помочь, я тоже не знал. Я понял, что братья и отец отправили меня в Москву не на учёбу,

а для спасения жизни. Кроме меня, в Москву от калмыковщины бежали жены Магомеда Энеева и Назира Катханова с детьми. Я очень хотел найти их.

Проснувшись рано утром, я пошёл в ванную умыться и встретил Катю. Она проснулась раньше, чтобы помочь своей маме.

— Ой, вы уже проснулись? Я тогда приберусь в вашей комнате?

— Нет, не надо, я сам могу, — ответил я. Неудобно было мне, чтобы за мной прибирались, как за маленьким. Только Катя сказала мне, что это поручение профессора.

К моему удивлению, профессор Лемке уже проснулся и сидел за книгами. Я вышел из ванной и зашёл к нему в кабинет. Он увидел меня и поздоровался.

— Вы уже проснулись? Это замечательно. Пойдёмте завтракать. Клавдия Ивановна уже накрыла на стол.

Мы попили чаю с бутербродами. И поехали в мединститут. Договорились о моём поступлении и приёме документов, и я начал готовиться к экзаменам.

В сентябре 1933 года произошло великое событие в моей жизни: я стал студентом ММИ имени Сеченова.

Теодор Эрнестович помогал мне во всём. И Клавдия Ивановна вместе с Катей старались создать мне атмосферу уюта, чтобы я ни в чём не нуждался и мог сосредоточиться на занятиях. Они старались сделать всё, чтоб я чувствовал себя как дома.

Я стал очень редко видеться с Серго Константиновичем. Он жил с супругой и дочкой в Кремле, а в его квартире в нашем доме, которая располагалась этажом выше, жила Нина. Однажды в выходной я встретил её во дворе нашего дома и попросил сопроводить меня в гости к Орджоникидзе. Меня одного в Кремль ни за что не пропустили бы, а Нину как ближайшую родственницу пускали.

Мы пришли в Кремль, Серго и Зинаида Гавриловна обрадовались мне очень.

— Так ты поступил в мединститут? — спросил Серго.

— Да, слава Богу. Благодаря профессору Лемке.

— Ай, мужчина! Только не благодаря Лемке, а благодаря своему упорству и трудолюбию. Ты молодец! Добьёшься своего! Как там Теодор Эрнестович поживает?

— Хорошо вроде бы. Пишет статьи, научные монографии.

— Ну, на то он и профессор. Привет ему передавай. Как у тебя занятия проходят? Нравится учёба?

— Конечно, Григорий Константинович. Ведь это моя мечта — стать хирургом.

— Правильно. Настоящий мужчина и большевик. Ты в комсомол вступил?

— Нет ещё. Собираюсь только.

— Надо вступить обязательно. Нина тебе поможет, я думаю. Ты Нину не забывай навещать. Она одна живёт, без семьи. Тяжело ей очень, одной-то. Я бы забрал и её, и тебя к себе домой. Только здесь вы слишком много знать будете, а это очень для вас опасно.

Закончив разговор со мной, Серго начал расспрашивать Нину, как у неё дела. Мы поужинали, после чего попрощались с семьёй Серго и пошли домой через Каменный мост. У меня было много вопросов к Нине. Что мы можем знать и чем это опасно?

Пока шли через мост, можно было о чём-то поговорить, но в доме этого нельзя было делать. Кругом уши и всевозможные прослушки ОГПУ. Органы не дремали. Нина мне шепнула на ухо.

— Аслан, ты слышал про жену Сталина?

— Слышал, конечно. Умерла, бедная, от перитонита.

— Ага, перитонит от выстрела в сердце.

— Что?!..

— Это тайна. Она покончила жизнь самоубийством. Всех, кто об этом узнает, Сталин уничтожит. Серго Константинович его ближайший друг, он ему доверяет пока. Только что будет дальше, кто знает?

— А что же может быть?

— Сталин продвигает своих людей в Закавказье и избавляется от старых большевиков. Это не нравится дяде Серго, он очень эмоциональный и вспыльчивый. Боюсь, он не выдержит и выскажет Сталину всё, что он о нём думает. А Сталин очень мстительный и злопамятный. Неизвестно, как отреагирует.

— А как же жена Сталина могла сотворить такое?

— Есть слухи, что Алилуева не покончила с собой, а...

— А что?

— А то... потом эти слухи прекращаются и уходят в сырую землю или в далёкие лагеря. Поэтому, Аслан, я тебя очень прошу, ни с кем ни о чём таком не разговаривай. Даже с профессором Лемке. Особенно дома! Особенно!

Мы перешли мост и уже подошли к дому. Стояла хорошая погода, мы решили ещё прогуляться по набережной.

— Нина, скажи, пожалуйста, а кто твои родители?

— Мой отец — Вахтанг Орджоникидзе, троюродный брат Серго, возглавлял один из крупнейших районов Грузии, он должен был перейти на более высокую должность, но погиб вместе с мамой.

— Как это произошло?

— Однажды к отцу приехал друг, они сидели, пили вино. Когда друг уехал, родителей нашли мёртвыми. Григорий Константинович считает, что этот друг их и отравил, угостив вином.

— Это что ещё за дружок такой?

— Имя его тебе ничего не скажет. Его зовут Лаврентий Берия. Он страшный человек, рвётся к власти и устраняет всех неудобных. Серго ненавидит Берия, боится, что тот захватит власть в Закавказье.

— Неужели нельзя его нейтрализовать?

— Поздно, он уже втёрся в доверие к товарищу Сталину.

— Да уж. Кого-то мне это напоминает. У нас в республике такая же сволочь сидит, Бетал Калмыков. Мой отец и братья ему жизнь спасли, а он расстрелял их, сфабриковав дело.

— Кошмар. А за что?

— Якобы они были кулаками. А мы честным крестьянским трудом зарабатывали своё имущество.

— Ладно, уже поздно, пойдём домой.

Я проводил Нину до двери квартиры и спустился к себе. Профессор Лемке сидел за обеденным столом. Клавдия Ивановна пригласила и меня. Есть мне не хотелось, нас покормили у дяди Серго, но я решил просто посидеть и пообщаться с профессором.

6

Профессор Лемке обедал с женщиной средних лет и маленьким мальчиком. Когда я зашёл, профессор представил меня.

— Вот, знакомьтесь — ваш земляк, настоящий балкарский джигит Аслан Эльбаев.

Женщина встала, подошла ко мне, обняла и заплакала.

— Господи, Асланчик! Живой! Ты меня не помнишь, наверное. Я — жена Магомеда Энеева, а это — Тимур, наш сын. Тимоша, поздоровайся с дядей.

Мальчик подошёл и протянул мне руку. Я поздоровался с ним, и мы сели за стол. Я был рад, что нашёл семью Магомеда. Как выяснилось, Магомед отправил их в Москву к Микояну с просьбой помочь спасти от Калмыкова. Так же, как и меня отправили к Орджоникидзе. Тимура беспокоили боли в животе, поэтому по просьбе Микояна профессор пригласил семью Энеева — посмотреть сына Магомеда.

— Как ты, Асланчик? Как твои братья? — спросила меня супруга Магомеда.

— Касыма расстреляли вместе с Аго Гемуевым и Заракушем Мидовым. Про остальных братьев мне ничего неизвестно.

— Господи, когда же этот упырь напьётся чужой крови? Всех подряд убивает, чтобы не было конкурентов. И моего мужа уничтожил.

— А разве он не застрелился?

— Да ты что? Его застрелили по приказу Калмыкова, и все об этом знают. Он мне сразу сказал: “Бери Тимура и уезжайте в Москву, иначе вас убьют вместе со мной”.

— Вы к Анастасу Ивановичу поехали?

— Да. Микоян нам сильно помог, всю жизнь буду ему благодарна.

— А мне вот товарищ Орджоникидзе помог и Теодор Эрнестович.

— Я вам не особенно помог, не нужно преувеличивать, — вмешался в разговор профессор Лемке. — Тяжёлая судьба у вас, голубчики, но не волнуйтесь — товарищ Микоян и товарищ Серго вас в обиду не дадут.

— Я знаю, Теодор Эрнестович, спасибо вам за Тимура. Асланчик, ты приходи к нам в гости. Познакомлю с семьёй товарища Микояна. Очень милые люди, будут тебе очень рады.

С этими словами жена Энеева вышла из-за стола, попрощалась с нами и ушла, оставив мне свой адрес.

7

Побывав в гостях у Микоянов, я познакомился с его сыновьями. Все хорошие ребята, добрые, отзывчивые. Супруга Магомеда Энеева вскоре переехала в другой район Москвы, и больше я её не видел. С Тимуром Энеевым я увиделся один раз во время войны.

Однажды я с Ниной пришёл в гости к Серго Орджоникидзе и там познакомился с Сергеем Кировым. Сергей Миронович приехал на партийную конференцию и остановился у Григория Константиновича. Узнав, чей я сын, он очень обрадовался.

— Я хорошо помню Хату и его старшего сына Касыма. Особенно тот день, когда нас Хату спрятал и спас жизнь нам. Как дела у твоего брата Касыма?

Я хотел ответить, но товарищ Серго перебил меня.

— Уже никак, Серёжа. Расстрелял его Калмыков.

— Ужас. Вообще, что творится, непонятно. А чем Касым и его братья не угодили Калмыкову?

— Они просто умнее его были, а умных у нас не любят!

— Надо наводить порядок в ОГПУ и в регионах страны. Нужны новые кадры, а то у всех головокружение от успехов. Все выслужиться хотят и докладывают в Кремль о “выявленных врагах народа”. Всех в кулаки и троцкисты записывают! На всех, кому кто-то не угодил, пишут доносы и ломают жизнь людям.

— Серёжа, прекрати, ты же знаешь, у стен очень хорошая слышимость. Новый закон физики: “Стук опережает звук”.

— Серго, так я этого не скрываю и Кобе лично сказал об этом. ОГПУ напоминает сейчас армию, захватившую власть в чужой стране.

— Сергей, ты что — это всё Кобе сказал? — Серго с ужасом посмотрел на Кирова.

— Да, сказал! Ну, а что мне будет? Мы с Кобой друзья, и он ко мне прислушивается.

— Эх, Серёжа, Серёжа... Боюсь, как бы это тебе боком не вышло. Ты помнишь, когда депутаты на съезде проголосовали за тебя, и хотели тебя на место Сталина поставить?

— Ну да. Так я же категорически отказался. Коба об этом знает и благодарен мне.

— Да, он знает, конечно, но после твоих слов, что почистить верхушку надо, догадайся, как он твои слова понял?!

— Ну... не преувеличивай Серго, я же предложил только верхушку ОГПУ убрать с Ягодой. Ведь что творят!

— Сергей, у нас в стране только одна верхушка, и ты об этом знаешь.

— Да не волнуйся ты! Мы с Кобой поговорили нормально, и он меня понял. Согласился со мной, и сам тоже хочет вместо Ягоды своего человека из Грузии поставить. Ты его знаешь хорошо. Лаврентий Берия.

— Лаврентия? В Москву? Начальником ОГПУ? — Серго побледнел и схватился за сердце. — Серёжа, это конец. Он ведь шарлатан и проходимец.

— Да перестань ты, Серго. Я уверен, что хуже, чем сейчас, не будет.

Киров и Орджоникидзе увлеклись разговором, не понимая, что я в этой компании лишний, и такие разговоры нельзя вести государственным людям при молодёжи. Потому как опасно! Я жестом показал Нине, что нам пора идти, и, попрощавшись со всеми, мы вышли из квартиры Серго. На прощание Киров обнял меня и пригласил в Ленинград, сказав, что никогда не забудет моего отца и братьев и решит для меня любой вопрос в Ленинграде. Если я решу переехать в северную столицу.

Мы с Ниной вышли из квартиры Орджоникидзе, пошли по коридору Кремля, и вдруг нам навстречу вышел... сам Сталин. Нина побледнела от страха и прижалась к стене, а Сталин подошёл ко мне и спросил:

— Девочку я знаю — это дочь Вахтанга, а ты кто такой, абрек?

— Аслан Эльбаев с Кабардино-Балкарии, товарищ Сталин.

— А что так поблэднел, товарищ Эльбаев?

— Оттого, что я вас впервые так близко вижу.

— Я тоже тебя впервые так близко вижу, но я же не поблэднел, — усмехнулся Сталин. После чего повернулся к Нине.

— Как дела, дочка? Как здоровье? Я обещал твоему отцу Вахтангу заботиться о тебе. Не обижает твой кавалер тебя?

— Здравствуйте, Иосиф Виссарионович! Нет, что вы! Всё хорошо, никто меня не обижает.

Сталин повернулся ко мне и сказал:

— Теодору Эрнестовичу привет. — И пошёл дальше по кремлёвскому коридору.

Мы с Ниной вышли из Кремля в шок от такой встречи, совершенно бледные от страха. Пока шли по Боровицкому мосту — не разговаривали, когда подошли к дому, Нина попросила ничего не говорить, пообещав пообщаться завтра. После чего я, проводив Нину до её квартиры, спустился к себе. Естественно, никакие приветы профессору Лемке я не передавал и сразу пошёл спать.

8

Учёба мне давалась легко. Хотя с химией были проблемы, мне всегда помогала Нина. Она тоже училась в мединституте. Мы с ней стали одним целым, я чувствовал, что не могу без неё. Была ли это любовь? Возможно, да, но скорее всего, было чувство, что я нашёл вторую свою половинку.

Конечно, я понимал, что жениться пока рано, но был уверен — женюсь только на своей Ниночке. Интересно, как бы отнеслись родители и братья к моему выбору? Нина ведь христианка, и хоть и комсомолка, соблюдала все обычаи. Я же старался соблюдать все мусульманские законы, делал намаз и категорически не употреблял спиртного.

Профессор Лемке приветствовал то, что я не забываю свою религию и обычаи, но предупреждал, что могут быть последствия. “Стук опережает звук”, — повторял он часто.

Что-то мистическое и сверхъестественное было в вожде народов. Вероятно, поэтому все молились на него, как на икону. Все его решения воспринимались, как должное. Вождь сказал, товарищ Сталин так велел... Должен сказать, что в гибели моих близких я, как и все, обвинял Калмыкова, Ягду, Ежова, Берию, но только не Сталина.

1934 год подходил к концу, я закончил первый курс мединститута. Григорий Константинович очень радовался моим успехам. Я скромничал и говорил, что это всё благодаря Нине. Мы были в очередной раз в гостях у Серго Орджоникидзе, и я вспомнил о предложении товарища Кирова. Я попросил разрешения отпустить Нину со мной в Ленинград и попросил позвонить

Сергею Мироновичу, выяснить, готов ли он встретить гостей. Серго Константинович одобрил моё решение поехать в Ленинград, пообещал поговорить с Кировым, в это время зазвонил телефон. Орджоникидзе встал из-за стола, поднял трубку и застыл от ужаса. Положив трубку, он посмотрел на нас и произнёс:

— Кирова убили.

9

Смерть Кирова очень потрясла нас. Я вспоминал нашу встречу, вспоминал рассказы отца и брата Касыма о том, как Сергей Миронович приехал к нам в селение. Человек он был хороший, смерть его остаётся до сих пор тайной. Кто послал убийцу, и кто стоял за этим преступлением? Было много слухов, мы с Ниной старались молчать об этом. Иначе валили бы лес на Кольме, в лучшем случае.

После смерти друга Серго ходил всё время мрачный и повторял:

— Я же предупреждал его, я же говорил ему...

Я стал реже приходиться в гости к Орджоникидзе. Уже не было того весёлого Григория Константиновича. Конечно, он был мне рад, но, когда я приходил к нему, Серго приглашал к столу, а сам уходил в кабинет. Зинаида Гавриловна тяжело вздыхала и повторяла: “Опять со Сталиным ругаться будет”.

Она была права, Серго набирал номер и громко ругался матом. Нина и Этери закрывали уши и краснели. Однажды Сталин молча выслушал и коротко ответил:

— Слушай, Серго, мне только что сообщили. Утонул корабль под названием “Серго Орджоникидзе”. Говорят, он слишком далеко заплыл.

Серго в ярости бросил трубку и громко заматерился. После чего оделся и ушёл со словами:

— Пойду, посмотрю Кобе в глаза.

Оказывается, арестовали родного брата Серго и его племянника. Это возмутило Орджоникидзе, последовала ссора...

Судьба Папулия — брата Серго — сложилась трагически. Он был арестован и сослан в Сибирь. После смерти Григория Константиновича его расстреляли, как и племянника и многих их родственников. Зинаида Гавриловна также была арестована и провела долгие годы в тюрьме, но её не расстреляли.

Слава Богу, этот маховик репрессий родных Серго не коснулся Ниночки. Возможно, потому, что Сталин был обязан жизнью её отцу, а может, потому, что за неё заступился Теодор Эрнестович, которому Сталин также был обязан здоровьем и жизнью.

День гибели Серго Константиновича я запомнил надолго. Нина прибежала к нам домой и в истерике кричала:

— Дядя Серго! Дядя Серго!

Профессору Лемке позвонили и сообщили о гибели Орджоникидзе. Мы вместе поехали в Кремль, в квартиру дяди Серго пропустили только близких. Поэтому Лемке вместе с Ниной зашли в дом, а я остался на улице. Был холодный февральский день, дул сильный ветер, было невозможно находиться на улице. Чуть позже мне позволили зайти в квартиру Серго, помочь профессору.

Нина сидела, обнявшись с Этери, успокаивала дочь Серго, хотя и сама плакала. Профессор Лемке сделал укол Зинаиде Гавриловне — у неё поднялось давление. Я подошёл к ней, выразил соболезнования, затем обнял Этери и сказал по-балкарски:

— Аллах жаннетли етсин. — Это примерно то же, что у русских “Царствие ему Небесное”.

После чего я подошёл к телу Орджоникидзе и минут десять стоял молча, глядя ему в лицо. Он был близким мне человеком, и я чувствовал на сердце такую же тяжесть, как когда потерял родителей и братьев.

Опомнился я, когда профессор Лемке похлопал меня по плечу и сказал, что пора ехать. Нина осталась с Этери и Зинаидой Гавриловной. Приехав

домой, мы с профессором зашли к нему в кабинет. После чего он закрыл дверь и полушёпотом спросил:

— Аслан, ты видел рану у товарища Орджоникидзе?

— Да, конечно! Мне сказали, что он покончил...

Профессор перебил меня:

— Аслан, ты Ниночку любишь? Если любишь и не хочешь погубить, — ты видел вот это. Прочитай и запомни на всю жизнь.

Лемке протянул мне медицинское заключение, где было написано: “Двусторонняя пневмония”.

10

Держать в секрете самоубийство Серго смысла не было, так как весть эта и без нас распространилась по Москве. Прошёл год после смерти Орджоникидзе, и сбылись все опасения Серго. В тот же год Ягода развернул огромную компанию репрессий, потом его тоже арестовали, а сменивший Ягоду Ежов превратил репрессивную кампанию в чудовищную. Лаврентий Берия был переведён в Москву из Грузии. Арестовав Ежова, он возглавил НКВД и сразу же начал наводить свои порядки. С одной стороны, освободил многих репрессированных, которых посадили Ягода и Ежов, остановил неистовый маховик репрессий. Они продолжались, но уже не в таком масштабе.

Человек, конечно, Берия был двуличный. С одной стороны, Орджоникидзе он не любил, с другой стороны, сына в честь него назвал и старался с ним отношения налаживать. Пока был жив Серго, расстреливать его родных никто не смел, а после его смерти начались расстрелы братьев, племянников рода Орджоникидзе.

Отношение к Берии и у меня было двойственное. С одной стороны, он разоблачил банду Калмыкова и Антонова, которая вырезала весь цвет нации Кабардино-Балкарии. С другой стороны, в 1944 году мой балкарский народ по его приказу почти полностью был выселен в Среднюю Азию.

Правда, его семья в своих воспоминаниях пыталась переложить всё на Сталина. Ну, это уже войдёт в привычку всего сталинского окружения. Во всём виноват Сталин, а мы все белые и пушистые.

Ненависть к Берии появилась у меня позже, в 1944 году. А пока я радовался тому, что Бетал Калмыков арестован вместе с Ежовым и Антоновым, которые развязали террор и погубили столько народа. Калмыкова и его банду привезли в Москву и держали на Лубянке под следствием. Многие дела за их подписью рассматривали как фальсификацию и необоснованные репрессии.

Я очень надеялся, что пересмотрят дела моих братьев, и попросил помочь соседа, который работал на Лубянке. Сергей Викторович Хрусталёв жил с нами в одном подъезде в Доме на набережной. Он согласился помочь и попросил заглянуть к нему вечером.

Я с нетерпением ждал вечера, и когда он пригласил к себе, с радостью побежал по лестнице вниз. Он жил этажом ниже профессора. К сожалению, меня ждали плохие новости. Сергей Викторович поднял все архивы, нашёл дела моей семьи и выяснил, что всех моих родных братьев расстреляли. Отца с матерью не тронули, но от горя они умерли. Сначала отец, потом мама. К сожалению, реабилитации братья не подлежали. Ерунду всякую, троцкизм и нападение на товарища Калмыкова, конечно же, убрали, но вот “выступления против колхозов и попытка развала колхозов” — статьи серьёзные. Здесь ничего нельзя было поделывать.

Братья никогда не выступали против колхозов. Они были против бездельников, которые работать не хотели. Но за счёт земель, которые мы обрабатывали, за счёт крупного рогатого скота, который мы выращивали, эти лентяи хотели поживиться.

Халявщики, бездельники и трутни хотели забрать наши законные земли и скотину. Естественно, братьям это не нравилось, но против колхозов они не выступали, против Советской власти тоже.

Всё это я пытался объяснить полковнику Хрусталёву, но он только пожал плечами. Я поблагодарил Сергея Викторовича и пошёл домой. Дверь за

мною закрывал его сын Петя Хрусталёв. Он служил в НКВД у отца, вёл дело группы Калмыкова. Чтобы как-то меня успокоить, пообещал отбить почки Калмыкову. Легче мне от этого не стало, я поднялся до своей квартиры, но домой не хотелось. Я поднялся к Нине, постучал к ней, Нина открыла дверь, я только произнёс: “Ниночка, мне плохо”, — и потерял сознание.

Очнулся на кровати. Надо мной стояли профессор Лемке и Нина, вся в слезах. Она позвала на помощь профессора, и они вместе уложили меня на кровать. Я объяснил причину своего состояния, поблагодарил профессора и сказал:

— Теодор Эрнестович, я полежу чуть-чуть, отойду, потом спущусь домой.

Нина категорически отказалась меня отпустить.

— Нет, нет, Аслан, чуть-чуть не бывает! Оставайся у меня до утра. Тебе лучше не вставать сейчас.

После того, как профессор ушёл, Нина подошла ко мне, легла рядом и сказала:

— Не хочу, чтобы ты чуть-чуть у меня был. Оставайся со мной на всю жизнь.

II

После приёма успокоительной микстуры я заснул и даже не заметил, что моя любимая Нина рядом. Хотя давно мечтал об этом и подумать не мог, что, когда это случится, буду лежать с полным безразличием.

В данной ситуации любой человек так и лежал бы отрешённо. Мне в эту ночь приснился родной Былым: папа, мама, братья. Все живы и здоровы, а у нас гости: Тенгиз Суюнчев с сыновьями Кучуком, Далхатом и Маштаем. Все веселятся, танцуют, отец подходит ко мне и говорит:

— Пора тебе жениться, сынок.

Я отвечаю:

— Рано мне ещё жениться! И невесты нет подходящей.

Рядом брат Али вмешивается в разговор:

— А Ниночка? Посмотри, какая она умница, как за тобой ухаживает! Чудо, а не девушка!

В это время я просыпаюсь от голоса Нины:

— Аслан вставай, на учёбу пора. Пошли завтракать. Как чувствуешь себя?

— Спасибо, Нина, получше уже.

Нина приготовила яичницу, мы позавтракали и пошли в институт. Когда вышли из подъезда, строгие бабульки качали головой и плевали нам вслед, вечером возвращаюсь — та же самая ситуация. Да что же это такое, думаю. В подъезде нас догоняет Петя Хрусталёв, он зашёл сразу за нами.

— Аслан, Нина, привет! Аслан, зайти ко мне, пожалуйста. Разговор есть, серьёзный! От Бегала Калмыкова тебе привет.

— Сейчас Нину провожу только. Ты что, допрашивал Калмыкова? Ну, и как?

— Вот мы с тобой посидим, выпьем водочки, и я тебе всё расскажу! Давай проводишь Нину и ко мне сразу. Нина, можно твоих вкусных солений грузинских к водочке?

— Аджапсанда!

— Во-во, класная закусочка.

— Хорошо, я передам через Аслана.

Проводив Нину до квартиры, взяв для Пети баночку с аджапсандамом, я спустился к нему в квартиру. Сергей Викторович с женой уехали на дачу. Петя только пришёл с работы, весь день допрашивал Калмыкова и хотел со мной поделиться. Он накрыл стол: водка, картошка, селёдка и солёные огурцы.

— Проходи, Аслан, сейчас выпьем, закусим.

— Вот аджапсанда!

— Отлично! Сейчас мы его с водочкой оприходуем! Ну, вы с Нинкой даёте!

— А что случилось?

— Да весь дом уже знает, что ты вчера ночевал у неё.

— Между нами ничего не было, Нина порядочная девушка. Я-то думаю, что это все бабульки на скамейке на нас пальцем показывали.

— Ну, ладно, Аслан, сделаю вид, что поверил. — Петя рассмеялся.

Я в этот вечер впервые попробовал водку. После того, как мы выпили по третьей и закусили, Петя начал разговор о допросе вредителей-троцкистов из Кабардино-Балкарии.

— Ох, и упёртые же черти — эти земляки твои: Бетал Калмыков со своим братом Хабалой. Я, значит, к нему со всей душой. “Так, мол, и так, Бетал Эдыкович. Пишите чистосердечное признание и получите свой законный четвертак. Через 25 лет на свободу с чистой совестью. В противном случае — в расход”. Так этот урод начал орать на меня и угрожать. Мне, лейтенанту НКВД, Петру Сергеевичу Хрусталёву!

И он стал в подробности пересказывать допрос Калмыкова, который вёл себя нагло:

— Да ты что, сопляк, несёшь? Ты на кого рот раскрываешь? Ты, щенок, мамкину грудь сосал, когда я революцию делал. Понял? Позови мне своего начальника. Я буду разговаривать только лично с Берией.

Пришлось его ударить.

— Сволочи, позовите Берию, — упорствовал Калмыков. — Дайте мне позвонить, я хочу поговорить с товарищем Сталиным.

Тогда Хрусталёв направил ему в лицо лампу и сказал:

— Ладно, я сам отвечу на главный вопрос. В 1927 году ты арестовал и расстрелял революционеров, коммунистов, верных сынов партии Назира Катханова, Аю Гемуева, Касыма Эльбаева, Заракуша Мидова, Магомед Энеева. Вместо них на ключевые посты республики поставил жуликов и проходимцев, которые занимались вредительством. Ведь не надо особо напрягаться, чтобы развалить то, что наша партия создаёт. Надо просто убрать грамотных людей и поставить бездарей.

Далее Хрусталёв потребовал от этой гадины подписать чистосердечное признание в организации контрреволюционной террористической организации, на что Калмыков заупрямился:

— Нет у тебя никаких оснований и доказательств. Попробуй, докажи. А подписывать я ничего не буду.

Хрусталёв не выдержал и основательно избил его.

12

На следующий день я поехал с Петей Хрусталёвым на Лубянку посмотреть в глаза упырю, убившему всю мою семью. Петя вызвал меня в качестве свидетеля, мне очень хотелось убить Калмыкова, задушить собственными руками. Я долго представлял себе, как это будет.

Когда я вошёл в кабинет, Калмыков лежал на полу ослабленный, избитый до такой степени, что трудно было узнать. На лице было сплошное кровавое месиво, нос переломан, глаза, заплывшие от кровоподтеков.

Я понял, что смерть для него слишком большое благо. Подойдя вплотную к этому упырю, я плюнул ему в морду:

— Будь ты проклят! — И сел рядом на стул. Петя схватил его за подбородок, поднял голову, спросил:

— Узнаёшь товарища? Родной брат Касыма Эльбаева. Помнишь Касыма?

— Да-а-а-а-а, — прохрипел Калмыков.

— Ты же утверждаешь, что невиновен, а в смерти его братьев тоже невиновен? Это ведь ты распорядился убить их. Именно убить, а не судить и расстреливать по закону! Убил ты их только потому, что они были родные братья Касыма Эльбаева. Других причин не было. Так?

— Та-а-а-а-ак, — хриплым и жалким голосом произнес Бетал.

— Так отчего же ты требуешь, чтобы я не трогал твоих братьев? Между прочим, твой брат Хабала убил людей, выстрелив в грузовик, который его машину не пропускал. А ты, падла, пытался замять это дело. Верно?

— Отведите меня в камеру, мне плохо. Я же всё подписал, зачем вы меня ещё мучаете? — Калмыков расплакался.

В этот момент мне сорвало крышу. Я подбежал к этому мерзкому телу, начал бить его ногами и кричать:

— За Касыма! За Али! За Шалука! За Мусоста! За Мусаби! За родителей! Получай, мразь, гори в аду, тварь!

Петя оттащил меня от Калмыкова и усадил в кресло:

— Какая тебя муха укусила? Он уже получил своё и ещё получит, если доживёт до суда. Попей воды и успокойся.

Петя налил мне стакан воды из графина и приказал охране унести тело Калмыкова в камеру. Я был рад, что не убил его, так как очень хотел, чтобы он ещё помучился.

Петя меня не стал отчитывать, но сказал, что времена теперь другие, и методы Ежова запрещены. А Калмыкова Бог уже наказал, и дополнительно забивать его до смерти не стоит. Сам сдохнет скоро.

Правда, чудовище прожило после этого ещё два года и сдохло лишь в 1940 году. Я к этому времени о нём забыл, а потом и вовсе стало не до него. Началась война.

13

Учёба в мединституте мне запомнилась на всю жизнь. Правильно говорят, что студенческие годы — самые лучшие годы в жизни. До сих пор помню лица своих преподавателей, давших мне путёвку в жизнь.

Помню хорошо и всех своих однокурсников. В мединститут в моё время шли именно те, кто действительно хотел стать врачом и готов был сидеть с утра до ночи в анатомичке. Готов был зубрить латынь и делать опыты в химической лаборатории.

Помимо учёбы, пришлось заниматься и общественно-политической деятельностью. Я вступил в комсомол, включился в бурную политическую работу. Комсомольские собрания, выявление троцкистов и неблагонадёжных стали неотъемлемой частью моей жизни. Иначе нельзя было. Время такое!

Во-первых, Нина от меня не отставала. Каждый день сверлила мне мозги:

— Аслан, когда ты в ВЛКСМ вступишь?

Во-вторых, Троцкого я лютю ненавидел. Страшно представить, что было бы со страной и с нами, если бы Лёва Бронштейн захватил власть.

В-третьих, появился шанс отомстить Беталу Калмыкову за родных. Я помню, как Троцкий приезжал в Кабардино-Балкарию, и Калмыков его встречал, как самого дорогого гостя. Ну, и выступление Бетала помню:

— Как учит нас товарищ Троцкий...

Чему же он тебя научил, плешивый убийца? Вредительской деятельности? Уничтожению цвета кабардинской и балкарской нации? Достойный ученик получился, ничего не скажешь! Молодец!

Не может быть, чтобы факты поддержки Калмыковым Троцкого куда-то исчезли и растворились. Рано или поздно они должны были всплыть. Я говорил об этом и руководителям партийной и комсомольской ячейки нашего мединститута. Правда, добрались до Калмыкова только в 1938 году, когда разоблачили и расстреляли наркома НКВД Ежова.

Если бы это сделали намного раньше, быть может, мои родители и братья были бы живы и по сей день.

Политической деятельностью заниматься было интересно, но я, в первую очередь, хотел стать врачом-хирургом. Поэтому, ссылаясь на недостаточно хорошую успеваемость и повышенные требования преподавателей, просил своих комсоров не очень утомлять меня комсомольскими собраниями и сосредоточился на учёбе.

На первом и втором курсе мы изучали, главным образом, теоретические дисциплины: строение человеческого тела, функции органов и тканей, биохимические процессы в организме. Также изучали греко-латинскую терминологию.

Моим любимым предметом на первом курсе была анатомия. Заведовал кафедрой анатомии профессор П. И. Карузин. Объяснял он темы на лекциях не торопясь и очень внятно. Великолепно владел латинскими терминами. Оно и понятно, ведь профессор долгое время работал над составлением справочника латинских терминов, применяемых в медицине.

Лекции профессора Карузина, безусловно, многому меня научили. Однако в анатомии главное — не лекции, а практические занятия. Поэтому я целыми днями пропадал в анатомичке, изучая кости и мышцы на трупах.

Когда я впервые попал в секционный зал, где на мраморных столах лежали трупы, мне стало не по себе. Ассистент, видя мою растерянность, улыбнувшись, объяснил, что бояться надо не мёртвых, а живых. Труп же безобиден!

Очень тяжело мне давалась латынь, но её, равно как и греческую терминологию, надо было знать! Как известно, ещё в древние времена римляне разработали медицинскую терминологию на латинском языке, а греки ввели названия болезней.

Многие страны, в том числе и наша, пытались выработать свою национальную терминологию, но безуспешно. Пришлось вернуться к старой, испытанной и проверенной временем. Латинская и греческая терминология были и остаются международным языком медиков. Поэтому я понимал, чтобы стать хорошим врачом, нужно выучить и твёрдо знать все названия и обозначения по латыни и на греческом языке.

Очень любил я занятия по физиологии и лекции профессора Шатерникова. Михаил Николаевич был учеником знаменитого физиолога Сеченова, в честь которого назван институт и клиника, где я учился и впоследствии работал.

Читал он лекции спокойно, держался со студентами просто, а его примеры из практики и рассказы о своём знаменитом учителе запомнились навсегда и помогали мне в работе. Лекции Михаила Николаевича были интересны тем, что, излагая материал, он говорил о перспективах развития физиологии в СССР. При этом призывал студентов участвовать вместе с ним в решении проблем физиологии.

Многие из нас остались на кафедре физиологии, помогая ассистентам ставить опыты на животных для изучения функций организма, отдельных его систем и органов. Удаляя отдельный орган, мы изучали происходящие при этом изменения в организме, таким образом, выясняя роль этого органа в жизнедеятельности организма. Благодаря этим опытам, мы получали наглядные и практические знания, которые нам пригодились в клинической практике.

Как говорил профессор Лемке, физиологию, а особенно патологическую, нужно знать и изучать всю жизнь. Потому как анатомию можно выучить за несколько лет, а физиология — это процесс. Изучать процессы, происходящие в организме, можно целую вечность и каждый день открывать что-нибудь новое.

Поэтому я очень любил занятия по патологической физиологии, которые вёл у нас профессор Семён Сергеевич Халатов. Изучать патологические процессы намного интереснее, так как это — основа всех болезней, фундамент клинических проявлений заболеваний человека. Если не знать до мелочей, как протекает патофизиологический процесс у пациента, никогда хорошим врачом не станешь.

Семён Сергеевич привил мне такую любовь к своему предмету, что я до сих пор держу на рабочем столе учебник по патологической физиологии. Ни на одну свою операцию я не пошёл, не прочитав книгу и не изучив досконально патогенез болезни, которую я должен был лечить.

Так прошли первые два года моей учёбы. Позади остались анатомичка, зубрёжка латинских терминов и химических формул. Передо мной впервые открылись двери клиник.

Клинический городок нашего мединститута располагался на Девичьем поле. Построен он был в конце XIX века. Я был впечатлён красотой городка и восхищался старыми постройками. Быть может, не потому, что здания

такие красивые, а от радости, что наконец-то буду заниматься непосредственно лечебным делом и изучать клинические предметы.

Корпуса клиники были разделены аллеей из лип. Мы называли её “аллеей жизни”. Летом я полюбил сидеть под деревьями на скамейке и читать учебники по хирургии и терапии, осваивая азы своей профессии. Здесь же я часто сидел с Ниной и впервые сделал ей предложение. Она, помню, смутилась и сказала, что рано об этом думать, нужно заниматься учёбой.

Потом Нина мне призналась, что уже тогда была согласна выйти за меня, но говорить в тот момент об этом не хотела. Почему? Не знаю, да и неважно. Главное, потом, после окончания мединститута, она дала согласие, и мы поженились. Тогда же, в те далёкие студенческие годы, я и сам не помышлял о женитьбе. Моей целью было стать врачом-хирургом. К чему я и стремился всё это время.

Самая любимая клиника, безусловно, была хирургическая, которой руководил профессор Лемке и где работаю я вот уже почти 40 лет. Сейчас мне всё вокруг кажется обыденным, однообразным, рутинным. А когда я впервые переступил порог клиники, ходил с открытым ртом, разглядывая всё вокруг. Сердце стучало в груди от волнения, голова кружилась, и было от чего. Эмоции переполняли меня, и я долго не мог отойти от впечатлений.

Неужели моя мечта сбылась, и я попал в лучшую хирургическую клинику страны? Как бы сейчас радовались родители и братья! Они так хотели, чтобы я выучился и стал хорошим врачом!

Я дал себе клятву, что буду учиться добросовестно и самоотверженно, ещё и потому, что понимал: я не имею права подвести профессора Лемке. Теодор Эрнестович возлагал на меня большие надежды, и я обязан был их оправдать.

Я любил смотреть, как он оперирует, и ассистировать ему на операциях. Меня удивляла быстрота и тщательность, с которой он делал сложнейшие операции, а также артистизм исполнения. Я восхищался тем, что Теодор Эрнестович оперировал не просто грамотно, а изящно и красиво. Старался щадить ткани и не терялся ни при каких обстоятельствах.

Всё время любил повторять:

— Кровотечение? Ерунда. Пальцевое прижатие — и нет кровотечения. Потом опять:

— Кровотечение? Фи-и-и-и, тампонада — и никакого кровотечения. Сосуд закровил? Ну, и пёс с ним. Сейчас шов наложим, и прекратится кровотечение.

Я поражался его спокойствию. До сих пор помню его операцию по поводу рака желудка. Теодор Эрнестович делал резекцию желудка очень чётко и легко, без лишней суеты и нервов.

Должен признаться, когда я впервые самостоятельно делал подобную операцию, мне пришлось изрядно понервничать и во время операции, и после. Операция прошла успешно, слава Богу, без осложнений. Только не потому, что я великий хирург, а потому что мне ассистировал мой учитель Теодор Эрнестович Лемке.

Он имел немецкие и эстонские корни. Его дед — Генрих Лемке — был родом из Кёнигсберга, переехал в Москву в середине XIX века. Работал учителем физики в школе. Свою любовь к физике он привил и своему сыну.

Эрнест Генрихович был одним из выдающихся физиков прошлого столетия. Иначе и быть не могло — раннее детство и юность его прошли среди формул и законов Ньютона, Ома и Паскаля. Его супруга, мама Теодора Эрнестовича, была учителем химии и биологии. Наталья Ивановна Бутлерова была родственницей великого химика.

Каждый из них старался обучить сына Теодора своей профессии и перетянуть на свою сторону. Несмотря на то, что в семье царил культ точных и естественных наук, Теодор Эрнестович выбрал профессию хирурга.

Родители понимали, после какого случая он решил стать врачом. В детстве Теодор страдал фурункулёзом, то там, то тут постоянно появлялись гнойники. Естественно, хирургический нож над собой он видел чаще, чем солнце. Постоянно приходилось терпеть болезненные вскрытия фурункулов.

Это продолжалось до тех пор, пока к ним в гости не пришёл друг Эрнеста Генриховича, профессор Сергей Александрович Виноградов. Он был возмущён методами лечения врачей, лечивших маленького Теодора.

— Что же вы его мучаете, режете постоянно, не узнав причину?

Очередной гнойник профессор Виноградов вскрывал сам, весьма болезненно. Профессор Виноградов перечислил причины возникновения фурункулов и отметил основные меры профилактики и принципы лечения гнойничковых поражений кожи. После чего посоветовал моему шефу и его родителям соблюдать все его рекомендации. Благодаря им Теодор Эрнестович забыл, что такое фурункул на своём теле.

С этого момента он твёрдо решил, что будет только хирургом, и с юных лет осваивал свою профессию. Часто приходил к профессору Виноградову в клинику, смотрел операции. А потом, будучи студентом, ассистировал ему на операциях. Так постепенно он вырос до квалифицированного, высококлассного профессионала своего дела.

О судьбе родителей Теодора Эрнестовича я не спрашивал. Он сам не рассказывал, а я лезть в чужую жизнь не хотел. Мы больше общались на хирургические темы. Мне хотелось приобрести побольше знаний, клинических и практических навыков у профессора Лемке.

Учёба в клинике продолжалась дома. Ведь я по-прежнему жил у Теодора Эрнестовича. Вечерами беседовали о медицине и хирургии. Обсуждали какие-то идеи, новые методы операции. Профессор требовал от меня постоянного чтения учебников по анатомии и физиологии. А также по оперативной хирургии, топографической анатомии и патологической физиологии.

Он считал недопустимым появление в операционной хирурга без полных знаний анатомии и физиологии. Во время операции всё время спрашивал, какой этап он будет выполнять. А когда ассистировал мне на операциях, требовал, чтобы я оперировал, как он. Хотя сделать операцию, как профессор Лемке, было невозможно.

Достичь такой операционной техники, обладать такой же ловкостью рук, как у Теодора Эрнестовича, было крайне тяжело. Мне, по крайней мере, это не очень удалось. Хотя очень многие говорят, что я оперирую так же ловко и грамотно, как мой шеф. Сам я так не считаю, поскольку знаю, что до профессора Лемке мне далеко.

Да и не только мне. Есть только два хирурга, которые оперировали, как Теодор Эрнестович. Это Сергей Сергеевич Юдин и Петр Александрович Герцен. Я присутствовал на операциях этих двух великих профессоров-хирургов. Сам Теодор Эрнестович считал, что он оперирует хуже, чем Юдин и Герцен. Может быть, от скромности или всё же был прав. Поскольку они были хирургическими звёздами того времени.

Как бы то ни было, для меня великим хирургом, учителем, а главное — человеком был, есть и будет Теодор Эрнестович Лемке. Всё-таки он меня приотил, дал крышу над головой, деньгами помогал и сделал из меня хирурга. Ежедневно занимаясь со мной дома и на работе, помог мне стать хорошим врачом.

Вечером за ужином он меня спрашивал:

— Ну, так что, Аслан Хатуевич, какая у нас завтра операция? Какие показания к операции? Какая тактика оперативного лечения? Какие возможны осложнения? Что бы вы предприняли для профилактики осложнений?

Так я и сформировался, как врач и учёный, благодаря своему дорогому профессору Лемке.

В 1939 году произошло знаменательное событие. Я закончил мединститут. Причём Нина, в отличие от меня, закончила его с красным дипломом. Мы решили отметить это событие в ресторане. Когда зашли в “Арагви”, сразу услышал знакомый голос:

— Эльбаев, стоять, пада!

Сейчас думаю, сломаю челюсть этому уроду и поворачиваюсь, а там... Мой друг детства Хусей Залиханов. Я бросился к нему в объятия.

— Хуська-а-а-а! Как ты? Какими судьбами, карындаш?

— Приехал на Всесоюзный съезд альпинистов. Как ты, брат?

— Да вот, мединститут закончил, пришли в ресторан отметить. Знакомься, Нина, это мой брат из Кабардино-Балкарии, Хусей Залиханов. А это — моя невеста Нина Орджоникидзе.

— Серьёзно? А Этери Орджоникидзе знаете, наверное?

— Конечно, знаем, а ты откуда знаком с ней?

— Она приезжала к нам в Приэльбрусье. Долго рассказывать... Поздравляю с окончанием института!

— Садись с нами. Выпьем, закусим.

— Нет, брат, извини, я не один, я с “тушканчиками”. Я, в принципе, уже уходить собирался и тебя увидел. Сейчас возвращаюсь в гостиницу “Москва”, я там поселился. Давай завтра в ресторане гостиницы встретимся, пообщаемся, ну, и выпьем за встречу.

“Тушканчиками” он называл девушек, с которыми завязывал роман. А друзей и знакомых мужчин называл по-дружески “Падла”. После чего сам получил такую кличку. Мы договорились встретиться на следующий день. Я пригласил его в гости, мы как раз собирались обмывать диплом в квартире профессора Лемке.

Хусей ушёл со своими подругами к себе в гостиницу, а мы с Ниной сели за столик и позвали официанта. Вечер был прекрасен, мы сидели допоздна и беседовали о своей будущей профессии и дальнейшей карьере, ну, и о совместной семейной жизни.

Рано утром я встал, умылся, выпил чаю и пошёл через мост к гостинице “Москва”, где остановился наш Хусей, или Падла, как мы его называли.

Мы встретились с Хусеем в холле гостиницы и пошли в ресторан. Заказали бутылку коньяка и шашлыки из баранины. Я удивлялся, откуда у Хусея столько денег, но спрашивать не стал. В конце концов, это не моё дело. Выпив по первой, не дожидаясь закуски, мы разговорились.

— Хусей, как твои родители, братья?

— Слава Аллаху, хорошо. У меня в этом году ещё один брат родился. Мишей назвали.

— Поздравляю. Давай выпьем, чтобы Миша вырос здоровым и сильным и стал большим человеком.

— Амин Аллах!

Мы выпили ещё по одной. После чего я попросил рассказать его о гибели моих братьев.

— К сожалению, судьба их мне неизвестна, знаю, что расстреляли их всех, но когда и где, никто не знает.

— А что известно о братьях Суюнчевых?

— Кумука и Далхата расстреляли, а Маштай сумел перебраться в Турцию. Надеюсь, живой он, и всё у него хорошо.

— Слава Богу, что хотя бы Маштай в живых остался. А из Эльбаевых кто-нибудь уцелел? Или всех Калмыков уничтожил? Неужели я полностью осиротел?

— Твоих родных братьев уже нет в живых, но двоюродных у тебя ещё очень много. Один из них в Москве сейчас. Шамиль, сын Магомеда. Он военный лётчик, учится в Качинской школе.

— Шамиль здесь, в Москве? А почему я ничего не знаю об этом?

— Ну, если ты его хочешь видеть, давай сегодня вечером встретимся и посидим у меня в номере гостиницы.

— Нет, ни в коем случае. Какой ещё номер? Вечером собираемся у меня. Жду вас обоих в гости, а Шамяля увидеть я прям сейчас хотел бы. Давай поедем к нему.

— Аслан, брат, извини, пожалуйста, но... у меня в номере “тушканчик”.

— Ладно-ладно, не продолжай. — Тушканчик это для Падлы святое. — В общем, жду вас сегодня вечером. Вот адрес мой. Дом на набережной знаешь? Я там живу.

Окончание нашей с Ниной учёбы решили отметить у профессора Лемке. Я объяснил профессору, что придёт в гости мой двоюродный брат. Клавдия Ивановна и Катя накрыли на стол. Нина приготовила грузинские блюда — сациви, чахохбили, пхали, аджапсанда, хачапури.

Первым гостем был мой друг и сосед Петя Хрусталёв. Позже подошла Этери Орджоникидзе. Пока мы пили грузинское вино, подошли остальные гости — наш Падла Хусей, мой брат Шамиль и с ним три военных лётчика: Тимур Фрунзе, Володя Микоян и Василий Сталин, которые жили в нашем доме.

После того как я поприветствовал всех гостей, я обнял брата и усадил за стол рядом с собой. Я не стал расспрашивать его ни о чём. Подождал, пока он поест вдоволь, так как такого стола он давно не видел. После чего попросил его пройти со мной в мою комнату, чтобы поговорить обо всём.

— Как ты, Шама? Как оказался в Москве? Почему меня не нашёл?

— Да я уже два года здесь: учёба в училище, работа. Всё некогда было, да и где бы я тебя нашёл?

— А где работаешь?

— На заводе “Авиаприбор” работал, теперь вот самолётами занимаюсь. Хочу в Испанию полететь, если возьмут, конечно.

— А что, могут и не взять?

— Ну, во-первых, сын кулака, а во-вторых, по состоянию здоровья. У меня неправильно сросшийся перелом левой плечевой кости. Не допускают до полётов, пока не разработаю руку.

— А где ты сломал руку?

— В начале тридцатых поступил на рабфак нашего пединститута в Нальчике. В один день нам приказали выстроиться в ряд, так как должен приехать Бетал Калмыков. Я и мой друг Костя Эфендиев встали в первый ряд. Калмыков, проходя мимо нас, обратил внимание на Костю, который был маленького роста. Узнав, что тот учится на педагога, он усмехнулся и произнёс: “Какой педагог из тебя выйдет через три года?” После чего приказал директору отправить Костю домой. Я решил заступиться, и говорю: “Товарищ Калмыков, извините, но ему сейчас главное выучиться и получить диплом. А кем он будет, он сам решит. Он один из лучших учеников, и убирать его нет оснований. Вы лучше скажите, какой первый секретарь и глава республики выйдет из человека с двухклассным образованием?” Калмыков позеленел от злости и, еле сдерживая гнев, спросил: “Ты кто, такой умный? И сколько у тебя классов образования? Как твоя фамилия?” Я говорю: “Эльбаев Шамиль”. Тут Бетал взорвался: “Эльбаев? Родственник врага народа Касыма Эльбаева? И ты мне ещё что-то говорить будешь? Закрой свой рот, иначе отправишься вслед за твоим родственничком, собака”. Я, естественно: “Сам ты — собака, причём шелудивая и плешивая!” Бетал повернулся к своему помощнику и приказал: “Заткни ему рот!” Заткнуть мне рот у калмыковского холуя не получилось. Только он подошёл ко мне, я сразу врезал ему по морде, после чего он схватил дубину и хотел ударить, но я подставил руку, затем заехал ему ногой между ног и убежал. Понятно, что после этого я в республике оставаться не мог. Я кое-как добрался до Пятигорска, там обратился к врачу. Он диагностировал перелом плечевой кости. У Хусея Залиханова было много друзей из Москвы. Когда они отдыхали у нас в горах, я со многими познакомился. Они мне оставили адреса, и когда я нашёл их в Москве, то они не отвернулись и помогли устроиться на работу и на учёбу.

— Ты знаешь что-нибудь о судьбе моей семьи?

— К сожалению, нет. Я же ведь тоже вслед за тобой в Москву убежал. Знаю только, что погибли все. Жалко очень. Спасибо хоть, что ты есть у нас, Аслан. Спасибо, что пригласил в гости. Очень рад, что ты закончил учёбу. Молодец, братишка! Дай Аллах, чтобы ты стал великим хирургом и прославил род Эльбаевых.

— Спасибо, брат. Ты-то сам не забывай о брате, тоже заходи почаще!

Мы обнялись и вернулись к гостям. Я взял рюмку с коньяком и объявил:

— Товарищи, минуту внимания. Позвольте сделать объявление. Я хочу жениться, и не на ком-нибудь, а на своей любимой и единственной девочке Ниночке. Ниночка, родная, любимая, выходи за меня замуж.

Все замерли, а Ниночка подошла ко мне, поцеловала в щёку и сказала громко:

— Согласна.

Тут все захлопали в ладоши, закричали:

— Горько!

Мы с Ниной слились в поцелуе, и так стояли, целуясь, минут пять, пока не прекратили кричать.

15

В тот вечер, когда я сделал предложение Нине и получил согласие, мне казалось, что я умру от счастья. На банкете, посвящённом окончанию института, я услышал много хороших тостов и от Теодора Эрнестовича Лемке, и от Василия Сталина, Тимура Фрунзе, Володи Микояна, ну, и своих родных Шамиля Эльбаева и Хусея Залиханова — нашего дорогого Падлы.

Шамиль после банкета пошёл гулять с Васей, Тимуром и Вовой. А я эту ночь ночевал у Нины. Это была самая прекрасная ночь в моей жизни.

Отгуляв медовый месяц, я приступил к работе в клинике профессора Лемке. Нина выбрала педиатрию и работала участковым врачом детской поликлиники рядом с нашим домом. Здорово, когда утром хочется на работу, а вечером домой. К своей любимой Ниночке.

В 1940 году в наш дом пришла радость. У нас родилась Томочка, вся в нас, Эльбаевых. Хотя Нина со мной спорила и обижалась. Она утверждала, что дочь наша — настоящая грузинка.

Я продолжал работать в клинике Теодора Эрнестовича, работа приносила мне радость, я получил специальность онколога, а ещё в феврале этого счастливого года расстреляли моего кровного врага Бетала Калмыкова.

Я жил, работал, строил дальнейшие планы, а потом наступил 1941 год.

16

С первых дней войны я начал работать в госпитале. Раненых было очень много. О рутинных операциях я забыл, да их особо и не было. Видимо, так перестроился во время войны человеческий организм. Такие болезни, как язва или холецистит, стали незаметными человеку, над которым нависла угроза фашистской чумы.

Оперировать приходилось круглые сутки, учиться на ходу, так как учебников по военно-полевой хирургии не было. Травмы были разные по виду и сложности. Помимо раненных на войне, и у тружеников тыла, которые за станком помогали фронту, были ранения.

В один из дней привезли сына Магомеда Энеева, Тимура. Тимка повредил правую руку так, что её пришлось ампутировать. Он на миг отвлёкся за станком. Любой на его месте пал бы духом, но Тимка молодец. Продолжал работать, учиться и в итоге дошёл до академика. Стал знаменитым учёным, создал капсулу, благодаря которой космонавты после полёта в космос могли спокойно вернуться на Землю.

За всю войну мне не пришлось работать по своему профилю. Онкологические больные, конечно же, были, но к нам они не обращались. В основном я занимался лечением посттравматической гангрены, которая часто развивалась у раненых. Очень выручала мазь Вишневского, которая только появилась в то время. Мы делали широкие, лампасные разрезы и дренировали раны турундами с мазью.

Помню своё первое знакомство с Александром Васильевичем Вишневским и его советы.

— Аслан Хатуевич, чтобы предотвратить распространение гнойного процесса при газовой гангрене, завяжите нитку циркулярно, вокруг конечности

над раной. Только туго не затягивайте, — говорил он. — Если нитка провалится, значит, гангрена пойдёт выше.

Чтобы гангрена не распространялась, я делал разрез выше раны и ставил резиновый дренаж из перчаток. Это обеспечивало отток гноя. Марлевые дренажи, к сожалению, для этого не подходили, поскольку гной впитывался в марлю и оставался в ране. А перчаточный дренаж обеспечивал полный отток гноя и заживление раны.

Много горя принесла война нашей стране. Фактически не было семьи, не потерявшей родных и близких. В 1944 году над Балтикой погиб и мой племянник Шамиль Эльбаев. В последний раз мы виделись с ним в 1942 году. Он приезжал в отпуск в Москву на похороны погибших друзей — Тимура Фрунзе и Володи Микояна. Остановился он у нас на два дня и, не догуляв отпуск, отправился на фронт, сказав, что некогда ему гостить у меня, надо отомстить за погибших друзей. Он обещал приехать ещё, но увидеться нам было не суждено.

В марте 1944 года совершилось чудовищное, несправедливое преступление против моего балкарского народа. Балкарцев, равно как и чеченцев, ингушей, карачаевцев выслали в Среднюю Азию с родных мест, обвинив в измене Родине и предательстве.

Это в то время, когда балкарские мужчины сражались на фронте за Родину. Кто же предатели? Старики, женщины и дети? В моей голове это не укладывалось. В голове Шамиля, видимо, тоже. Поэтому он и совершил этот героический поступок, повторив подвиг Гастелло.

В июне 1944 года командир вызвал Шамиля в штаб и сказал:

— Капитан Эльбаев, поступила информация, что по Балтийскому морю движется немецкий танкер с боеприпасами и горючим для бомбардировщиков. Надо любой ценой остановить его, чтобы топливо и авиабомбы не достались вражеским самолётам.

— Товарищ полковник, у нас же все самолёты разобраны, все в ремонтном отделе. На чём же я полечу?

— Я знаю, Шамиль. У нас в арсенале ещё трофей имеется, немецкий “мессершмитт” в очень хорошем состоянии. Вот на нём и полетишь, разведаешь и, если это правда про немецкий танкер, сообщишь мне. Как только засечёшь танкер, возвращайся обратно. А мы дадим координаты дальней авиации, и дальше уже их дело.

— Есть товарищ полковник. Задание будет выполнено.

Шамиль попросил залить полные баки немецкого самолёта и вылетел с аэродрома. Вопреки приказу командира, обнаружив немецкий танкер, он не стал разворачиваться и возвращаться с докладом к начальнику. Он направил свой самолёт на судно противника и врезался в танкер, взорвав его и погибнув за Родину.

Перед полётом он написал предсмертное письмо, о котором я узнал от Василия Сталина. Письмо это попало в руки сотрудников СМЕРШа. Слава Богу, Вася Сталин сумел его перехватить, и до Берии письмо не дошло. Иначе Шамиля могли бы объявить врагом народа, и вся семья его пострадала бы. Почему? Это можно понять из текста письма, которое мне дал почитать Василий.

17

Предсмертное письмо Шамиля Эльбаева:

“Дорогие мои братья, родственники, сослуживцы, с кем я делил последний кусок хлеба, и соотечественники. Завтра мой последний вылет, мой последний бой. Командир нашей эскадрильи приказал мне найти немецкий танкер, который везёт бомбы и горючее для танков и самолётов противника.

После чего я должен вернуться на аэродром и доложить о местонахождении танкера. Но я сделаю по-другому. Во-первых, пока я долечу обратно до аэродрома и сообщу координаты противника, танкер успеет доставить груз, и фашистские самолёты получат боеприпасы и авиабензин. Медлить нельзя, и нужно разбомбить фашистский танкер. Во-вторых, после того как

меня крысы тыловые назвали врагом народа и предателем, я хочу этим шакалам доказать, что Эльбаевы никогда не были трусами и балкарцы не были предателями. Мои родители, братья встретили революцию с радостью, думая, что это Советская власть — народная власть. Работали днём и ночью на благо народа, а что в итоге? Нас объявили кулаками, забрали все земли, всё имущество, которое мы кровью и потом зарабатывали, и организовали... колхозы. Ну ладно, забрали и подавитесь, но за что вы расстреляли моих родителей, братьев и выслали в Сибирь моих родственников?

Что же было дальше? Создали мы колхозы, установили окончательно Советскую власть, работал мой народ в этих ваших колхозах на благо Родины. Строили заводы и фабрики, выращивали овощи, фрукты, развивали животноводство, чтобы не голодали жители Советского Союза. Как зазвучала песня “Вставай, страна огромная”, все наши балкарские мужчины встали на защиту Родины — СССР.

А что в знак благодарности? Мой родной балкарский народ объявили предателями и выслали с родных гор в степи Средней Азии. Ни в чём не повинных немощных стариков, слабых женщин и беззащитных детей, как скотину, запылали в вагоны и увезли в чужие края. А в это время их отцы, мужья и сыновья сражаются и отдают жизнь за вашу Родину. Где же справедливость, товарищи?

Завтра мой последний вылет, завтра я погибну за Родину. Знаю, что меня представят к награде, но она мне не нужна. Просто знайте, что человек, совершивший то, что я сделаю завтра, не может быть врагом народа. А балкарский народ, воспитавший героя, повторившего подвиг Гастелло, никак не может быть предателем.

И звание Героя Советского Союза мне не нужно, мне хватит того, что я буду героем Балкарии, и балкарский народ меня запомнит навечно.

Будьте прокляты — ты, бородатый козёл Калинин, и ты, жирная жаба Берия, совершившие беспричинную расправу над моим народом!

Я прошу прощения у всех, кого обидел, дорогие однополчане, лётчики и командиры. Не подумайте, что я не люблю нашу Родину — СССР. Я за неё воевал, и завтра за советскую страну погибну. Просто обидно, что вместо благодарности так обошлись с моим народом.

Всем советским людям, всем солдатам и офицерам, бойцам и командам я желаю скорейшей победы над фашистской Германией. Победа будет за нами. Прощайте, товарищи!”

На следующее утро Шамиль вылетел на “мессере”...

Я попросил Васю Сталина оставить мне письмо, но он не согласился:

— Если письмо не уничтожить, то письмо уничтожит нас. Мне-то ничего не будет, но если письмо найдут у тебя, то сразу посадят. Пришьют антисоветчину и отправят в лагерь. Бериевские шавки на это способны! Ты почитай письмо ещё раз. Твой брат оскорбляет Берию, Калинина и всю Советскую власть. Такого Лаврентий не простит.

— Я понимаю, Вася, но это же на эмоциях было написано! Человек в свой последний бой шёл на верную смерть.

— Я это объяснял Берии, но он слышать ничего не желает. А в то, что он сам направил свой самолёт на немецкий танкер, не верит. У Шамиля левая рука была сломана и деформирована. Так вот... у них версия такая! Что Шамиль на немецком “мессере” решил убежать и перейти на сторону врага. Поэтому заставил механика заполнить полные баки топливом. А когда пролетал над немецким танкером, то сломанная рука его подвела, и он не справился с управлением. В результате чего самолёт рухнул на танкер случайно.

— Это кто такие версии выстраивает? Что за профессора кислых щей? Ведь понятно, что Берия мстит Шамилю.

— Я-то понимаю, Аслан, но сделать ничего нельзя. Единственное, чем я смогу помочь, это забрать письмо и добиться, чтобы Шамиля не считали предателем. Только Героем его тоже не сделают. Сам понимаешь.

— Это ясно, Василий. Спасибо тебе за всё, но письмо всё-таки оставь мне, пожалуйста. Это единственная память о Шамиле.

— Ох... Хорошо, но будь осторожен.

Письмо я спрятал хорошенько вне дома. И впервые показал Нине лишь после смерти Берии.

18

Мне, благодаря профессору Лемке, удалось побывать на малой родине, в Быльме. Надо было проконсультировать одного из партийных боссов Кабардинской АССР. Так однобоко моя республика называлась после выселения балкарцев. После того, как мы сделали успешную операцию чиновнику, он предложил нам поехать на отдых в Приэльбрусье. Я же попросил его отвезти меня в родное селение, на что он охотно согласился.

Я не был в родном Быльме 12 лет, к сожалению, радость встречи была омрачена печальной картиной, которую я увидел. Безлюдные улицы, разорённые дома, заброшенные хозяйства. Было больно смотреть на всё это. Я ходил по улицам Быльма и вспоминал своё детство. Вот по этой улице я ходил в школу с Зулей Ахматовой и провожал её домой после учёбы. Где же она теперь и как сложилась судьба её? Где же мои школьные друзья Магомед Толгуров, Жунус Афашиков, Алим Ахматов, Зейтун Озаруков? Где мои родственники, односельчане сейчас и в каких условиях? Да что там условия? Живы ли они вообще? Куда же вас выслали и за что? Я долго представлял себе этот страшный день 8 марта 1944 года.

Что же пришлось пережить моим односельчанам, да и всему балкарскому народу? Если мне сейчас из родного Быльма не хочется уезжать в Москву, где у меня тёплая квартира, любимая жена и ребёнок, то что же происходило в душе человека, которого из родного очага высылают в казахские степи?

Мы с профессором зашли в наш заброшенный дом. Внутри ничего не изменилось, я вспомнил тот последний день, когда моя семья провожала меня в Кисловодск, к Серго Орджоникидзе. Я показал Лемке подвал, где в своё время прятались Киров и Орджоникидзе. После чего спасённый от белых Серго помог мне обосноваться в Москве и стать хирургом.

Уходить из родного дома мне не хотелось, но надо было возвращаться в Москву. Много работы в госпитале. Война ещё не закончилась, и мы нужны были раненым и покалеченным на войне.

Выйдя из домика, я увидел соседку Жанцук Думанову. Она, узнав, что я приехал, пришла увидеть меня. Жанцук была родной сестрой жены моего брата Али. После смерти Мариям, жены Али, и гибели моего брата она взяла на воспитание их дочь Шуру.

Она приходила в наш дом посмотреть за хозяйством и за порядком. Поэтому, когда я зашёл домой, внутри он мне заброшенным не показался. Жанцук пригласила нас домой, где я познакомился с её детьми Хасанби и Хусеем, а также со своей племянницей Шурой. Шура родилась в 1932 году, в том самом, когда я уехал в Москву.

Жанцук накрыла прекрасный стол, где были не только наши балкарские хычины, но и кабардинские блюда джэдлибжэ (курица в сметане) и лягур (копчёная говядина). Профессор Лемке был в восторге, я тоже поел с удовольствием, так как в Москве о джэдлибжэ и мечтать не мог. После чего Жанцук рассказала мне о моей семье и о своей нелёгкой жизни после смерти мужа.

Мой брат Али и муж Жанцук Ахмат Толгуров были близкими друзьями. Дружили они с детства, работали вместе, женились на родных сёстрах Думановых, дружили семьями и погибли тоже вместе. После того как расстреляли Касьма, опасения моих родных, что Калмыков попытается уничтожить всю нашу семью, подтвердились. Уехать с родной земли братья отказались, так как все были женаты, и бросить свои семьи они не могли. Поэтому, чтобы спасти хотя бы меня, они и отправили меня к Серго Константиновичу, коему я благодарен всю жизнь. Не только за себя, а за всю свою семью. Калмыков хотел сразу арестовать моих братьев, но сделал это только в 1937 году, после смерти Орджоникидзе.

Нина и Этери мне рассказывали, что, когда я в 1932 году приехал в Кисловодск и передал письмо Орджоникидзе, Серго позвонил Калмыкову. Серго

так кричал на Бетала, что тот и близко не мог подойти к моей семье. А после смерти Орджоникидзе Калмыков осмелел и расправил крылья, которые ему потом всё равно обломали.

Неудивительно, что после самоубийства Серго пошли аресты в моей семье. Заступиться ведь было уже некому. Первым взяли Шалука, ему даже не дали попрощаться с детьми. Мусаби и Мусост поехали на рынок в Нальчик, а там их уже ждали чекисты. После того как Мусоста и Мусаби арестовали, Ахмат, муж Жанчи Думановой, прибежал к Али, который в это время работал в поле, чтобы сообщить об аресте братьев. Только они встретились, следом приехал “чёрный воронок”, прямо в поле. Али с Ахматом всё поняли. Со слов Жанцук, Ахмат просил сотрудников НКВД не арестовывать Али.

— У него жена умерла, дочка на руках осталась. Если арестуете Али, что будет с его ребёнком? Девочка совсем маленькая, без матери осталась. А теперь ещё отца лишите. Подумайте, у вас же тоже дети есть.

Чекисты призадумались, всё-таки капля совести у них была. Но, к сожалению, не оказалось ни грамма совести у их командира, который стоял позади сотрудников НКВД и требовал немедленно арестовать Али и Ахмата. Старший из чекистов, молодой капитан, подошёл к Ахмату и сказал:

— Ребята, я всё понимаю, но и вы поймите. Если мы вас не арестуем, нас самих арестуют. Видите, какой дятел у вас в Быльме живёт. Настучит на нас, как пить дать. Поедем в Нальчик, авось всё обойдётся. Арест это же ведь не расстрел.

— Хорошо, мы поедем, только дайте нам с детьми попрощаться. Вы же понимаете, что мы больше домой не вернёмся, — попросил Али, и они смилостивились, устроили ему прощание с семьёй.

Жанцук успела переписать детей с Толгуровых на Думановых, а также забрала маленькую Шуру к себе. Марьям, сестра Жанцук и мама Шуры, умерла за год до ареста мужа Али. Так Шура осталась круглой сиротой, но сумела выжить благодаря Жанцук. Она смогла спасти от ареста, детдома, а также от переселения в Среднюю Азию не только Шуру, но и своих детей Хусея и Хасанби. Так как они теперь были Думановы и считались кабардинцами.

Мы с Теодором Эрнестовичем поблагодарили Жанцук и уехали домой. Улетал я в Москву с тяжёлым камнем на сердце. Не хотелось покидать родной дом, но в Москве меня ждала семья.

19

В мае 1945 года пришла долгожданная Победа. Наконец-то я мог находиться с семьёй, играть с доченькой. Томочка росла большой умницей, послушным ребёнком. Я старался учить её родному балкарскому языку, а Нина учила её говорить по-грузински.

Я встречался с друзьями, вернувшимися с фронта. Многих мы так и не дождались. Погибли, как я уже говорил, Володя Микоян, Тимур Фрунзе, Шамиль Эльбаев, у Пети Хрусталёва родители погибли в 1942-м, попав под бомбёжку.

Я зашёл к Пете пособолезновать и поддержать друга. Немного выпив, мы разговорились.

— Петя, объясни мне, пожалуйста, за что мой балкарский народ выслали в Среднюю Азию?

— Аслан, у стен, как ты знаешь, очень хорошая слышимость. Лишние вопросы не задавай, пожалуйста. Могу только одно сказать: “Инци предателей среди своих”. Очень много доносов и анонимок было на балкарцев, чеченцев, ингушей. Пришлось реагировать.

— А почему не разобрались как следует?

— Время такое было! Война шла, а с Кавказа упорно слухи приходили, что некоторые народы хотят отделиться от Советского Союза и хотят своё государство создать или присоединиться к Турции.

— Петя, это чушь несусветная. Ну, какое государство балкарцы создадут? И как они к Турции присоединятся, если между нами Грузия? Вот к Грузии очень удобно присоединиться. Уж не хотел ли Берия...

— Молчи, дурак. Аслан, скажи спасибо, что у меня как у офицера НКВД сейчас прослушки нет. В другом месте такое ляпнешь, мигом на Лубянке окажешься. Очень прошу тебя: нигде лишнего не болтай. Потери немного, балкарцев выслали на время войны. Вот увидишь, скоро их на родину вернут.

Петя ошибался. Терпеть пришлось не немного, а целых 13 лет. Балкарцев вернули на родину лишь в 1957 году.

В послевоенное время нам пришлось туго, так как страна восстанавливалась, продуктов не хватало, но мы как-то держались. Томочка росла на глазах, я старался быть с доченькой как можно чаще, находить для неё конфеты, сладости разные, фрукты, овощи, чтобы мой ребёнок ни в чём не нуждался. Ведь самый сладкий период, когда ребёнок у меня только родился, эти первые годы я был на фронте. В полевых госпиталях за операционным столом.

По вечерам я читал сказки Тамаре и рассказывал ей о наших предках. Ведь она, будучи балкаркой, понятия не имела, кто такие балкарцы, и, естественно, не знала ни обычаев, ни языка. Я учил её говорить и читать по-балкарски.

Это не всегда удавалось хорошо, но Тома росла старательным и эрудированным ребёнком. С гордостью говорила, что она балкарка:

— Мен таулу кызма.

Как-то вечером она меня попросила рассказать о нашей земле, о наших родственниках. После моего рассказа Тамара долго молчала, потом расплакалась. Ей было жаль моих родителей и братьев. Своих дядей, дедушки и бабушки. Она не понимала, за что так жестоко с ними поступили.

Я рассказал доченьке, что тогда республикой правили жестокие люди Калмыковы. Необразованные, бескультурные и подлые. Только Аллах есть на свете. За все деяния надо отвечать перед Всевышним. Вот Калмыков и ответил, собака. Его расстреляли, а семью выслали в Сибирь.

Я объяснил дочери, что никогда подло нельзя поступать с людьми и никогда не надо делать больно людям. За всё всегда приходится расплачиваться в этой жизни. Тамара запомнила это и была благодарна нам, родителям, за воспитание. Нина ведь тоже от меня не отставала. Учила Тому грузинскому языку и рассказывала о своих родных. В общем, кавказское воспитание помогло нам сформировать характер ребёнка и воспитать Тому порядочной и умной девушкой.

Тамара решила стать врачом, как мы. Только долго думала, каким доктором она будет. Как я, хирургом? Или педиатром, как мама? Я не стал навязывать свою профессию и что-то советовать. Тамара выбрала хирургию, за что я ей очень благодарен. Я горжусь своей дочерью, в трудные дни она всегда была рядом со мной, но об этом позже.

20

В 1948 году мой друг и сосед Петя Хрусталёв получил звание полковника. Мы отметили это событие и твёрдо решили, что пора завязывать ему с холостяцкой жизнью. Невесту выбрали идеальную. Дочь Клавдии Ивановны — Катюшу. Она была хозяйственной девушкой и добропорядочной. Сам Бог велел взять в жены такую девушку. Свадьбу отыграли быстро, погуляли на славу.

Правда, гулять на свадьбе долго не пришлось. Вместе с профессором Лемке пришлось ехать в Кабардино-Балкарию. Нужна была очередная операция местному чиновнику. Я, естественно, сразу намылился в родное селение. В Быльме меня встречали с радостью, я тоже был рад увидеть родных и близких, побывал в родном доме, встретился с Жанцук, посетил могилу родителей. Прогулялся по пустынным улицам родного села.

Тяжёлое впечатление оставил Былым после выселения его жителей. Да, наверное, и все балкарские селения были в таком же виде. Земля моих предков, родная моя Балкария, что же ты испытала в те трагические дни?

Если белоэмигранты в Париже тоскуют по Родине, если Фёдор Шаляпин в Лондоне со слезами на глазах повторял всё время: “Неужели я Волги

родной никогда не увижу?”), что тогда говорить о людях, загнанных в голые степи Средней Азии? Да даже если бы балкарцев выслали в Париж, Нью-Йорк или Лондон, поселили бы в элитных сталинских высотках Москвы, старинных домах Ленинграда, всё равно они бы тосковали по родной земле. Могу судить по себе, так как, живя в просторной квартире в элитном доме напротив Кремля, всё время думаю о родной Балкарии и родном селении Былым.

Разве можно не любить эту землю и эти горы, эти сады и огороды? Место, где даже зимой светит солнце и воздух наполнен таким кислородом, которого нет нигде в мире. Я поднялся в гору, нашёл родник, из которого пил воду в детстве. Вода из-под крана в моей московской квартире не идёт ни в какое сравнение с водой из этого источника. Напившись воды, я пошёл к абрикосовому саду, прилёг в тени дерева и вспомнил детство. Как мы с Мусостом и Мусаби собирали абрикосы, а потом везли их в Нальчик на продажу. Старшие братья, Касым, Али, Шалук, в основном находились на горных пастбищах, смотрели за стадами наших коров и овец. Как жаль, что больше не вернуть то прекрасное время, когда родители и братья были живы.

Побывал я также и в нашем поместье Чалмалла, что рядом с Былымом. К сожалению, от поместья мало что осталось. После того как нас раскулачили, всё конфисковали и организовали там совхоз. Слава Богу, сохранился наш яблоневый сад, где росли различные сорта. Я долго сидел на скамейке, наслаждаясь плодами яблонь, которые когда-то посадил мой отец. Сидел бы, наверное, ещё долго, пока меня не нашли односельчане. Они хотели попросить меня осмотреть нашу соседку — Аминат Афашокову. К сожалению, она находилась в тяжёлом состоянии. Рак желудка, с метастазами в печень. Помочь уже нельзя ничем. Кахексия на фоне рака и прекращения приёма пищи ничего хорошего не предвещала. Перед смертью она попросила позаботиться о её трёхлетней дочери Марьям. Я пообещал, что сделаю всё, что в моих силах, для её ребёнка, и забрал Марьям в Москву, хотя Жанцук была против:

— Ну, куда тебе, Аслан, в Москве возиться с чужим ребёнком? У тебя своя дочь растёт, да и нужна наша Марьямка там кому-нибудь? Я сама её воспитаю и позабочусь о ней.

— Жанчи, у тебя большое и доброе сердце, но ты и так воспитываешь многих детей, оставшихся без родителей. Дай Аллах тебе здоровья за это. Ну, а кому нужна Марьямка? У меня друзья хотят взять ребёнка на воспитание. Они очень хорошие люди и будут рады нашей Марьям.

Я тогда имел в виду Петю и Катю Хрусталёвых. Катя не могла иметь своих детей, поэтому они думали взять приёмного ребёнка. Они очень обрадовались Марьямке, приняли её, как родную. Я им благодарен за то, что воспитали мою землячку достойным человеком. Сейчас Марьям, Мария Петровна Хрусталёва, возглавляет отделение неврологии в одной из московских больниц.

Пётр и Катя души не чаяли в своём ребёнке. Маша росла нервным ребёнком, и много сил и терпения нужно было моим друзьям, чтобы справиться с дочкой. Оно ведь понятно, ведь столько перенесла в детстве. Убийство родного отца, смерть матери Аминат, да и переезд из горного селения в большую Москву — тоже стресс для ребёнка.

До сих пор не могу забыть, как бедная Марьямка рыдала, теребя мёртвую Аминат, и кричала:

— Анам, анам, аначикь! (мама, мама, мамочка!)

Я взял её на руки и сказал:

— Нет больше мамочки, Марьям, поедем со мной, солнышко... — И в этот момент расплакался сам.

Петя часто жаловался, что Машенька просыпается по ночам, плачет и кричит:

— Анам, Ами, ельме анам.

— Что это значит? — спросил он меня.

— Анам — это мама по-балкарски, а Ами... её родную маму Аминат звали. Ельме анам — это по-нашему “мама, не умирай”.

Как-то мы прогуливались по набережной Москва-реки с Ниной и Томочкой. Вдруг послышался голос:

— Эльбаев, Али! Али, друг, ты жив? Значит, тебя не расстреляли?

Я обернулся и увидел полуслеплого старика и молодую девушку, которая держала под руку несчастного и говорила:

— Папа, ты обознался.

— Нет-нет, доченька, я этот голос узнал бы из тысячи. Это мой друг Али. И он жив!

Я подошёл к несчастному и сказал:

— Уважаемый, вы простите, но я не Али, а его родной брат Аслан Эльбаев.

— А-а-а-а, вы тот самый врач-хирург! Али мне о вас рассказывал. А я — друг Али, мы с ним в одной камере сидели. Ой, сколько мы с ним пережили! Сколько испытаний прошли...

— А что именно он рассказывал?

— Он радовался вашим успехам и очень гордился. Говорил: “Слава Богу, хоть одного брата спасли от гибели”. Говорил о стариках-родителях, о братьях, о детях, о вашем доме...

— Как вас зовут? Как сложилась судьба моего брата?

— Зовут меня Степан Андреевич Пронин. А вашего брата однажды ранним утром увели из камеры на расстрел. Не было даже ни суда, ни следствия. Я, когда услышал твой голос, подумал, что он живой. Значит, на самом деле расстреляли!

— Да, Степан Андреевич, к сожалению, его убили. Как и остальных моих братьев. Скажите, а где именно расстреляли Али?

— В Чегеме, по приказу Бетала Калмыкова. Жалко очень. Хороший человек был ваш брат. Вами очень гордился. Говорил, что вы обязательно будете знаменитым врачом.

21

Смерть Сталина мы переживали тяжело. Я не скажу, что сильно расстроился по поводу смерти самого вождя, просто было страшно за наше будущее. За власть в стране шла борьба, и было непонятно, что нас ждёт. Могло дойти и до гражданской войны, но всё обошлось, Слава Богу.

Руководителем государства стал Хрущёв, а Берию, рвавшегося к власти, арестовали, обвинили в измене Родине и расстреляли. Вот по поводу смерти Лаврентия Павловича я точно не переживал. Он получил то, что заслужил. Если брат юридическую сторону, естественно никаким предателем и шпионом он не был, но расстреляли его заслуженно.

После ареста и расстрела Берии появилась надежда, что балкарцы вернутся на родину. Очень многих реабилитировали в то время, была доказана невиновность тысяч людей. А целые народы, незаслуженно высланные с родных земель, тем более надо было реабилитировать и вернуть на родину.

Правда, прошло ещё четыре года после разоблачения так называемого “культа личности”, прежде чем моему народу разрешили вернуться домой. Всё это время я пытался достучаться до руководства партии и до силовых структур, чем вызывал недовольство многих.

Говорить и писать о незаслуженном и необоснованном наказании и переселении моего народа не разрешалось, да и сейчас не разрешают. Я надеюсь, пройдёт много лет, и мои дневники где-нибудь опубликуют и разрешат читать. Сейчас же, к сожалению, я вынужден писать только для себя.

Самое обидное, что и моим землякам не особо интересно поднимать вопросы репрессий и геноцида малых народов. На одной из конференций ко мне подошёл известный чиновник из Кабардино-Балкарии и сообщил, что руководству республики не нравится моя излишняя настырность в вопросах реабилитации балкарского народа.

— Учтите, Аслан Хатуевич, если будете так себя вести, дорога в республику будет вам закрыта.

— А она и так закрыта для меня, я не собираюсь туда ехать.

— Почему же?

Действительно, ехать на родину было уже незачем. Родителей и братьев нет в живых, а племянники меня знать не знают. У родственников своя

жизнь, и вряд ли меня кто-то ждёт. Тем более власти республики, после того как я нахамил одному из её руководителей, постараются сделать моё имя нарицательным. А после того, как в Нальчике установили памятник палачу Беталу Калмыкову, у меня и вовсе пропало желание ехать в Кабардино-Балкарию.

Я сосредоточился полностью на работе и науке. В 1964 году защитил докторскую диссертацию. Дочка продолжила мою династию, стала хирургом. Тамара ассистировала мне на операциях, и у неё неплохо получалось.

Нина высказывалась против, ей не нравилось, что дочь пошла в хирургию, но это была воля Томочки! Да и как пойти против дочери, если она с детства мечтала быть хирургом? Вместе с Тамарой на операциях мне помогал молодой ординатор из Тбилиси — Арчил Ревишвили. Очень талантливый и перспективный хирург. Вскоре Арчил сделал предложение Тамаре, и они поженились. Арчил был моим любимым учеником, очень хороший парень, трудолюбивый, целеустремленный, без вредных привычек. Главное, что дочка наша с ним счастлива и за ним — как за каменной стеной.

Через год после свадьбы у них родился сын Гурам. Моего внука решили назвать в честь погибшего во время войны отца Арчила. Я был очень рад внуку, хотя, конечно, стареть и быть дедушкой не хотелось. Правда, у меня в голове всегда звучали слова профессора Лемке. Теодор Эрнстович любил говорить:

— Старость — это уникальный период жизни и самый счастливый. В старости человек может себе позволить многое, что в молодости недоступно. Хотя бы массу свободного времени, чего нет в юности.

Я старался больше времени проводить с внуком, хотя больше о внуке заботилась Нина. Как врач педиатр и как добросовестная бабушка. Родителям она Гурамчика не доверяла, считала, что она как детский врач лучше знает, как с младенцем обращаться.

Маша, приёмная дочь Пети и Кати Хрусталёвых, стала неврологом, как я писал ранее. Хорошая девушка и доктор.

Я часто выезжал на международные конференции. Делал доклады о новых методах лечения рака толстой кишки, новых способах оперативного лечения при раке печени, желудка и кишечника. На одном международном конгрессе в Стамбуле после выступления с докладом я решил прогуляться по городу. Стамбул, как и все восточные города, был шумным, светлым.

Зайдя на местный рынок, я с удивлением смотрел, как там жарят мясо. На длинный металлический вертел нанизан кусок говядины, от неё отрезают кусок, добавляют огурцы, помидоры, капусту и всё это заворачивают в тонкий лаваш. По желанию добавляют майонез или кетчуп. И называется это блюдо “дёнёр”. Откусив кусок, прожевав и проглотив, я с гордостью произнёс по-балкарски: наш балкарский хычин гораздо лучше! Думая, что меня никто не поймёт. Хозяин кафе, высокий старик с длинной бородой, улыбнулся и, указывая на задний двор своего заведения, сказал на чистом балкарском языке:

— Заходи в гости, сынок, приготовим тебе хычины.

Я был в замешательстве несколько минут, затем столько же смотрел в лицо старику. Прошло минут десять, пока до меня дошло, кто передо мной стоит. Слезы стали наворачиваться на глаза, какой-то ком застрял в горле, и я еле выдавил из себя:

— Маштай Суюнчев... дядя Маштай, живой? Как такое возможно?

Старик с удивлением посмотрел на меня и спросил:

— Кто ты, сынок? Из какого рода?

— Дядя Маштай, я Аслан Эльбаев, сын Хату из Былыма, — еле произнёс я, после чего бросился к дяде Маштаю в объятия со слезами на глазах.

При встрече со мной Маштай тоже расплакался.

— Не ожидал встретить кого-нибудь из родственников. Как ты, Асланчик? Как братья? Я помню тебя совсем ребёнком. Сколько тебе сейчас?

— Сорок восемь уже. К сожалению, братьев моих нет в живых. Расстрелял их Калмыков, так же как и твоих братьев Далхата и Кумука. В знак благодарности этому плешивому в Нальчике памятник поставили.

— Мне искренне жаль, сынок, что твоих родителей и братьев нет в живых. Прими мои соболезнования.

— Спасибо, Маштай. А как твоя судьба сложилась? Как тебе удалось выжить?

— После гибели Заурбека Даутокова-Серебрякова мы с Костей Чхеидзе перебрались в Турцию на пароходе. Затем Костя в Европу перебрался, а я остался в Стамбуле. Женился на турчанке, у меня две дочери и трое внуков. Заходи в дом, что мы встали на улице-то! — Маштай завёл меня в дом, поручив шеф-повару кафе сделать хычины. Мы сели за стол, и Маштай продолжил разговор.

— Очень тоскую по Балкарии родной, по селению Безенги. Переживаю, что не увижу мне больше родные горы.

— Я тоже в Москве скучаю по родному Быльму и Баксанскому ущелью, но пока памятник этому плешивому не снесут, ноги моей там не будет.

— Ну... памятник-то при чём? Если есть возможность, поезжай. Родную землю и родственников нельзя забывать.

— Так я там уже много лет не был, родственников никого не знаю. А ты бы хотел вернуться в Балкарию?

— Я бы полжизни отдал за это.

— Маштай, ты же понимаешь, что придётся отдать всю жизнь, а не полжизни. Тебя просто арестуют и расстреляют.

— Что мокрому дождя бояться? Я хочу умереть на родной земле.

— Я постараюсь помочь тебе, Маштай. Вижу, как ты страдаешь без родной земли и балкарских гор. Очень хотел когда-нибудь увидеть тебя, хоть и не надеялся. Я слышал, что Далхата и Кумука расстреляли, а тебе удалось уехать в Турцию. Только информация, что тебе удалось спастись и выжить, была непроверенная. А как сестра твоя — Нашхо?

— Аслан, сынок, я вообще ничего не знаю о судьбе близких. Надеюсь, что она жива, хотя после переселения балкарцев сомневаюсь, что хоть кто-то из Суюнчевых в живых остался. Странно, что вообще хоть кто-то выжил после переселения.

— Да, Маштай, натерпелся наш народ, но выжил назло врагам. Слава Аллаху! Будем надеяться, что и Нашхо живая, и все у неё благополучно.

— Амин Аллах.

— Маштай, а про Константина Чхеидзе ничего не известно?

— Я слышал, что он в Чехословакии живёт, но связи с ним нет никакой.

— А балкарцев много живёт в Турции?

— В Стамбуле не очень, а так есть целые селения, где одни балкарцы живут. А в Москве есть балкарцы? Есть с кем общаться?

— Я не встречал, к сожалению.

— А как ты вообще попал в Москву? Как выбился в люди? Ведь сыну кулака дороги были закрыты в хорошую жизнь.

— Помнишь тот день, когда вы искали Кирова и Орджоникидзе? Калмыков и Мидов привели их к нам и попросили спрятать. Орджоникидзе мне за это и открыл дорогу в светлую, большую жизнь. Правда, Калмыков отблагодарил совсем по-другому.

— Ну, конечно, я помню этот день. Мы прекрасно знали, что они у вас прячутся. Как только мы с отрядом Даутокова вошли в Былым, вас сразу же сдали соседи по фамилии...

Я чуть не упал со стула. Это же были люди, которым мой отец неоднократно помогал, буквально вытаскивал из грязи в князи. Эти же люди, по показаниям Бетала Калмыкова, написали донос на моих братьев. Тогда я не поверил Калмыкову, но вот сейчас Маштай выдаёт мне такую информацию.

— По приказу Заурбека Даутокова мы должны были обыскать ваш дом, и если выяснится, что красные командиры прячутся у вас, расстрелять всю вашу семью. Мы этого допустить не могли, поэтому сказали твоему отцу, что якобы проголодались и зашли поужинать. Даутокову, естественно, сказали, что у вас красных нет.

— Спасибо, Маштай, но я считаю, что отец правильно сделал, что приютил красных. Орджоникидзе оказался порядочным и запомнил добро. Сделал из меня человека.

В это время принесли хычины, айран, и мы приступили к еде.

— Кушай хычины, Асланчик, они действительно лучше шаурмы.

Мы сидели с Маштаем, ели хычины, вспоминали родных и близких. Мне не хотелось расставаться с ним, Маштай просил остаться погостить ещё, но мне надо было возвращаться в Москву.

— Ладно, дядя Маштай, поеду я, у меня самолёт вечером, — сказал я. — Вот моя визитка с адресом и телефоном.

Мы обнялись с Маштаем и, попрощавшись с ним и его семьёй, я улетел в Москву. Больше я старика не видел. Помочь вернуться я ему не смог. Как сложилась его дальнейшая судьба, мне, к сожалению, неизвестно.

22

Петя Хрусталёв был помощником Семичастного — председателя КГБ СССР. Как только я прилетел в Москву, он встретил меня в Шереметьево и по дороге домой устроил допрос:

— Как прошла конференция, профессор?

— Отлично. Турки были в восторге! Все оценили высокое развитие нашей онкологии.

— А бывший белогвардеец Маштай Суюнчев тоже оценил?

— Чего?

— Аслан, ты, как маленький ребёнок, ей-Богу. Профессор, доктор наук, а ведёшь себя, как неразумное дитя. Ты чем думал, когда попёрся к белоэмигранту в гости? Слава Богу, наши агенты именно мне докладывали об этом. А если бы кому-нибудь другому?

— Петя, я к нему не попёрся. Я зашёл на рынок, решил купить шаурму, а продавец — мой родственник дядя Маштай. Я его сорок пять лет не видел.

— Я понимаю. Только вот КГБ Кабардино-Балкарии это не совсем поняло. Ты знаешь такого: Худов Тимофей Константинович?

— Да, я знаком! Он, находясь в Москве, прислал ко мне шестёрку. Знаешь, что мне эта шавка заявила? Товарищ Худов недоволен тем, что вы слишком активно занимаетесь вопросами реабилитации балкарцев и возвращения их земель. Он вызывает вас к себе в гостиницу. Я ему и ответил: “Передайте товарищу Худову, что, когда он станет толстым, тогда и будет меня вызывать. Он мне никто, и вызывать и указывать мне, что делать, не имеет права. Доволен он моими действиями или нет — это его дело. Больше меня не беспокойте”.

— Вот этот самый Худов и начал на тебя охоту. Доложил самому Хрущёву о тебе. Хрущ вызвал шефа и приказал тебя арестовать.

— Значит, ты меня теперь арестуешь — и на Лубянку?

— Если бы не одно событие, то пришлось бы.

— Какое именно?

— Вызывает меня, значит, Семичастный, и говорит: “Так, мол, и так. Ваш друг профессор встречался за границей с бывшим белым офицером”. Я ему говорю: “Товарищ Семичастный, это ведь знаменитый учёный, профессор-онколог. Столько жизнью спас. Пожалуйста, не губите его”. — “Да не волнуйтесь, — говорит мне Семичастный, — приказы Хрущёва я выполнять не намерен. А профессору передайте, чтобы никаких связей больше со своим родственничком-белогвардейцем...” — “Простите, вы сказали, что не намерены выполнять...” Тут он меня перебивает и с улыбкой говорит: “Сегодня товарищ Хрущёв снят с должности по состоянию здоровья”.

— Хруща убрали? — обалдел я.

— Да, Асланчик. Это твоё спасение. Благодарю Аллаха и товарища Семичастного.

— Ну, и кто вместо него?

— Леонид Ильич Брежнев. Вот так вот.

— Петя, спасибо, дорогой! — я приобнял друга. — Слушай, Пётр, а Маштай, бедный, хочет домой вернуться на Родину. Давай уважим старика.

— Давай уважим. Только Родина у нас большая! Если он вернётся, то поедет не в родную Балкарию, а на Кольму. Поэтому пусть сидит в своей тёплой Турции и доживает свою нелёгкую жизнь.

Хоть и предупреждал меня Петя, что встречаться с эмигрантами опасно, с ещё одним земляком встретиться мне пришлось. В Праге во время Всемирного съезда хирургов я увиделся с Константином Чхеидзе. Мы сидели с коллегами в баре, пили пиво, в это время я заметил пожилого мужчину в шляпе. Он в одиночестве пил пиво за соседним столом. Я подошёл к нему и спросил:

— Простите, вы Чхеидзе, Константин Александрович?

— Да я. С кем имею честь познакомиться?

— Профессор Эльбаев из Москвы. Сын Хату Эльбаева из Былыма.

— Асланчик, ты, что ли? Как такое возможно? Прости, милый, вскочить и броситься к тебе с объятиями не могу. Крутом агенты КГБ и местные стукачи. Присаживайся, дорогой.

— Спасибо большое. Так вы здесь живёте, в Праге?

— Да вот, обосновался в Чехословакии. Если бы ты знал, как я соскучился по своему домику в Нальчике. Только мне туда уже не вернуться.

— А где вы жили в Нальчике?

— В маленьком домике рядом с домом Дадаша Балкарукова. Напротив входа в парк. Недалеко от Воронцовской улицы.

— Я знаю. Эта улица теперь Советской называется. А Воронцовская теперь — Кабардинская.

— Советская? Ну да, как ещё назовут. В каждом городе проспект Ленина, улица Советская, Коммунистическая, Революционная. Раньше все главные улицы в честь Сталина называли. Теперь он плохой оказался, и всё переименовали.

— А вы были в СССР?

— К сожалению, да. Я ведь воевал, в подполье был во время фашистской оккупации. После войны мне представители Советов заявили: “Возвращайтесь, Константин Александрович, на Родину. Вы же воевали против фашистов. Вам это зачтётся, вы будете награждены. А ваша служба в рядах белой армии уже забыта и прощена. Всем белоэмигрантам, которые воевали против фашистской Германии, будет амнистия”. Я поверил и вернулся в СССР. Надеялся в родной Нальчик попасть, а попал в лагерь, на Кольму. Наградили меня десятью годами лишения свободы. Вот такие коммунисты благодарные. После освобождения удалось вернуться в Чехословакию. В Россию больше не вернуться ни за что.

— Понятно. Знаете, Константин, в тот день, когда вы с братьями Суюнчевыми искали Калмыкова, они у нас прятались.

— Аслан, я не дурак, братья Суюнчевы тоже. Мы прекрасно знали, что красные бандиты у вас находились. Твой отец Хату был добрый человек, и для него гость — это святое. Каким бы гость ни был, он чтит законы гостеприимства. Поэтому мы знали, что Калмыков, Орджоникидзе и Киров попросят убежища именно у вас. Да и стукачей хватало в то время. Поэтому Заурбек Асланбекович Даутоков приказал нам троим зайти к вам и обыскать дом. Когда я, сидя за столом, сказал нарочно громко братьям Суюнчевым: “Здесь их нет. Орджоникидзе и его банда направилась в Сванетию”, — и я, и Кумук с Маштаем заметили кубанку Калмыкова. Придурок забыл снять шапку. Он в ней всё время ходил. Стеснялся своей лысины, ишак плешивый. Чтобы не подводить Хату и твоих братьев, мы ушли, поблагодарив твоих родителей за ужин. До сих пор не могу забыть хычины твоей мамы.

— К сожалению, моих братьев расстреляли, а родители умерли, не выдержав горя. Орджоникидзе, кстати, меня приютил, отблагодарил, в общем, за своё спасение.

— Молодец Серго. Несмотря ни на что, он был порядочным человеком.

— Я, кстати, женат на племяннице Серго.

— Да ладно? Значит, породнился? Молодец! Дети есть?

— Дочка. Медицинститут закончила, будет хирургом, как и я.

— Счастья вам, Аслан. Как бы сейчас радовались твои братья и родители! Да и Маштай с Кумуком тоже! Кумука, бедного, расстреляли большевики, а Маштай сумел эмигрировать в Турцию.

— Я знаю. Мы с ним виделись в Стамбуле два года назад.

— Ничего себе! Ну, и как у него жизнь сложилась?

— Да пока хорошо складывалась, но сейчас он хочет в СССР вернуться. Просил меня помочь. Старик хочет умереть на родной земле.

— Пусть даже не думает. Единственное, что у него получится на родной земле, так это то самое — умереть. Причём быстро, от пули!

— Да, я знаю. У меня с ним нет связи, к сожалению. В Турцию я больше не ездил.

— Поня-атно. Ладно, Аслан, мне уж идти пора, рад был тебя увидеть. Ты молодец, достойно продолжаешь династию Эльбаевых. Здоровья тебе и всех благ.

Константин Александрович встал из-за стола, мы с ним обнялись на прощание и разошлись. Я пошёл в гостиницу, а он не спеша, опираясь на трость, по пражской улице домой. Я долго смотрел ему вслед. Бедный старик — сколько же он пережил, сколько испытал на своём веку...

Константин Александрович уходил всё дальше и дальше, а вместе с ним уходила эпоха, в которой я родился и вырос. Обрывалась нить с моим прошлым. Сколько же таких изломанных судеб и сколько же нитей оборвалось между родными людьми! Никто не знает, да и не посчитает, поскольку это невозможно.

После Праги была ещё конференция в Нью-Йорке. Если честно, Америка мне не понравилась. Люди все суетливые, грубые, неприветливые. Кругом огни реклам, ладно бы, если б рекламировали что-нибудь хорошее. Взять, к примеру, их гамбургер. Такая красивая реклама этих сэндвичей и гамбургеров. Я купился на рекламу и приобрёл эту так называемую еду. Между двух булок свалили в кучу кусок мяса, огурцы, помидоры и лук, полили кетчупом и счастливы, что сделали великое открытие. Ладно ещё, если продукты настоящие, но вся эта гадость какого-то непонятного происхождения и сомнительного качества.

У нас на столе всегда были свежее мясо, фрукты и овощи. Всё натуральное и качественное. При желании, особенно когда на работу опаздываю, я тоже мог свалить в кучу хлеб, курицу, говядину, помидоры, огурцы и разом проглотить. Вот тебе и весь гамбургер. А американцы считают, что это их великое изобретение.

Попробовали бы они наши хычины! Даже не поверили бы, что такая райская еда бывает. Тонкое тесто с сыром и картошкой. А хачапури и осетинские пироги? А какие блюда Ниночка моя готовит?! Пхали, чахохбили, сациви, хинкали... Ах... Никакой гамбургер с ними не сравнится! Слава Аллаху, у нас в Советском Союзе нет “Макдональдса”, и надеюсь — никогда не будет.

В метро все читают не художественную литературу, не великих классиков, а дешёвые детективы, листают комиксы.

Про телевидение США вообще говорить не хочу. Около пятидесяти каналов, а смотреть нечего. Одни мыльные оперы, телесериалы, которые постоянно прерываются тупой рекламой. Также показывают боевики, которые вредно влияют на психику людей, и эротику, не задумываясь совсем, что это могут дети смотреть.

Больше всего меня поражают всякие ток-шоу, где любят обсуждать знаменитостей и покопаться в их грязном белье. Я бы их назвал бок-шоу. На балкарском языке “бок” — это дерьмо, простите за выражение.

А больше всего меня поражает в американском телевидении другое.

Одна тётенька без медицинского образования, американцы её называют “малышка Бетси”, ведёт передачу о здоровье. Я бы к её имени добавил ещё букву “з”. У нас, у балкарцев, “бетсиз” означает “бессовестный”. Так вот, эта самая Бетси на полном серьёзе утверждает, что она лечит онкологию, вылечивает остеохондроз, остеопороз, растворяет камни в почках и желчном пузыре. Учит телезрителей, как правильно питаться и жить, и называет себя экстрасенсом.

Слава Богу, таких нет на нашем советском телевидении, и быть не может. Всё-таки наше коммунистическое воспитание намного лучше, в отличие от капиталистических стран.

Я выступал с докладом на международном конгрессе хирургов, после которого в “Нью-Йорк таймс” была напечатана статья “Профессор Эльбаев

и три буквы “э”. Что это означало? После доклада об успехах и достижениях советской онкологии и хирургии я указал на три причины, которые мешают развитию онкологической службы в Америке. Три буквы “Э”:

1) Экология. В городах Америки, в частности, в Нью-Йорке нечем дышать. Если подняться на последний этаж небоскрёба и посмотреть на город, то увидишь смог. Огромное количество машин, выхлопные газы, отходы промышленных предприятий. Всё это количество канцерогенов отравляет природу и человека. Всем этим дышит человек и питается, поскольку всё это уходит в почву и поглощается растениями, а затем с овощами и фруктами попадает в организм человека.

2) Экстрасенсы. Вы, американцы, допускаете врачебную деятельность аферистов и шарлатанов, называющих себя целителями. Ладно, если бы они тайно занимались так называемым лечением. Это полбеда, но вы это транслируете по телеканалам, и народ верит. Ну, и вместо того, чтобы пойти к врачу на обследование, они смотрят телевизор, ставят банки с водой перед экраном. Прикладывают больное место к экрану, как советуют экстрасенсы. У меня вопрос к вам, уважаемые американцы. Геморрой вы так же лечите?

3) Экономика медицинская. Также ничего хорошего онкологии в США не даёт. Я уже не говорю о том, что большая часть бюджета идёт на гонку вооружений. Медицинская экономика Америки больше идёт на обслуживание богатых людей. Почему клиник сердечно-сосудистой хирургии в США в три раза больше, чем онкологических центров? Да потому, что атеросклероз сосудов — это болезнь богатых людей. Это они заплывают жиром. У бедных людей жиру неоткуда взяться, у работяг жиры сгорают. Поскольку они трудятся днём и ночью, чтобы прокормить свои семьи. А вот онкология больше развивается у бедных людей, поскольку жить им приходится в экологически неблагоприятных условиях и питаться чем понало.

А ваше питание — это отдельная история. Ваши “Макдональдсы” приносят только вред. Продукция такого качества в дальнейшем приводит к ожирению и диабету. А вы с этим не боретесь, потому что вам это не выгодно. Человек с атеросклерозом, с ожирением придёт в ваши центры сердечно-сосудистой хирургии и будет платить за операции бешеные деньги.

Всё это недопустимо у нас — в СССР, где уделяют огромное внимание экологии, медицинской экономике, а экстрасенсов нет и быть не может.

23

Прилетев обратно в Москву, я узнал две новости — хорошую и не очень. Плохая — о моей встрече с Константином Чхеидзе быстро узнал КГБ, а хорошая новость заключалась в восторге руководства и партии от моего выступления в Нью-Йорке. В аэропорту меня встречал Петя Хрусталёв, очень недовольный и хмурый.

— Привет, Аслан.

— Здорово, Петюня, чего такой угрюмый?

— Садись в машину, сейчас узнаешь.

Мы сели в машину и продолжили разговор.

— Едем ко мне на Лубянку.

— Я арестован?

— Возможно. Тебя вызывает сам Юрий Владимирович Андропов. Хочет поговорить с тобой.

— А о чём? Что случилось?

— А ты не знаешь? Аслан, ты больной на голову, что ли, господин профессор? Какого лешего тебя угораздило сесть за стол к диссиденту Константину Чхеидзе в Праге?

— Петя, я его случайно увидел, когда в кафе сидели. Мы поговорили минут десять, и всё.

— А о чём говорили?

— Можно подумать, вы не знаете!

— Да! Скажи спасибо, что это мы знаем, а не другие. Ты понимаешь, какой скандал будет, если сам Андропов заинтересовался?

— Петя, ничего антисоветского я лично не говорил, и ты об этом знаешь. Не так ли?

— Так-то оно так, но за границу тебя больше не выпустят. Понятно?

— Да я и не собираюсь! Петя, понимаешь, Чхеидзе был последней ниточкой из моего прошлого, я, когда увидел его, как будто в детство вернулся.

— Аслан, ты соображаешь, что у тебя ниточка в будущее может оборваться, и вернешься ты не в детство, не к семье, а почесешь на Колыму? Моли Бога, чтобы Андропов не приказал арестовать тебя.

Приехал я на Лубянку с тяжёлым предчувствием: неужели повторю судьбу братьев? Зайдя в кабинет Андропова, мы с Петей обалдели. Я ожидал, что председатель КГБ начнёт ругать меня за встречу с Чхеидзе в Праге. Однако Юрий Владимирович с улыбкой встал из-за стола и, подойдя, пожал мне руку:

— Спасибо, Аслан Хатуевич. Ну, вы даёте! Три буквы “Э”! Как красиво заткнули империалистов, всё высказали им в лицо! Газеты прямо шумят, народ вас обсуждает! Только и говорят: “Эльбаев послал империалистов на три буквы “Э””.

Андропов засмеялся, Петя вместе с ним. Он, равно как и я, был рад, что всё обошлось. Мы беседовали с Андроповым часа два, за чашкой чая. Говорили о медицине, политике. Слава Богу, о Чхеидзе он не вспомнил, и мы с Петей уехали домой в хорошем настроении.

По дороге домой Петя меня продолжал ругать.

— Аслан, с бывшими белогвардейцами и эмигрантами встречаться запрещено. Ты же умный человек, я понимаю, что они твои земляки, но закон есть закон. В общем, приказ тебя не трогать, но за границу больше не выпускать. Мало ли ты ещё кого там встретишь. Так будет лучше для тебя. Тем более после того, как ты с трибуны капитализм разнёс, за рубежом тебя не очень любят.

— Ладно, Петя, забыли. У меня за границей, кроме Маштая Суюнчева и Константина Чхеидзе, больше никого и нет. Я, кстати, виски привёз американский. Выпьем за встречу?

— Ну, это можно. Я, правда, водку нашу больше люблю.

Я пригласил Петю домой, Нина и Тамара накрыли стол и ушли в свои комнаты рассматривать привезённые мной подарки. Я налил виски и после того, как мы выпили, начал беседу:

— Петя, скажи, пожалуйста, что за интерес КГБ следить за мной? Я никаких секретов не выдаю, да и не владею информацией, являющейся государственной тайной. Поэтому ни ЦРУ, ни ФБР я не интересен.

— Скажи спасибо своим землякам и товарищу Худову!

— Так во-от откуда ветер дует!

— Ну да! Ты его оскорбил, а Худов обид не прощает.

— Он теперь всю жизнь мне мстить будет?

— Нет, не будет уже. Во-первых, ты теперь под крылом партии и правительства. Во-вторых, у Худова сейчас проблемы серьёзные. В республике бардак, голову националисты поднимают. На рынке убили русского милиционера. Так мало того, что убили, ещё и тело вынести не дали, митинг устроили против Советской власти, беспорядки. Товарищ Андропов поручил мне разобраться. Вот, вылетаю с комиссией в Нальчик.

— Товарищу Худову привет передавай.

— Ага, обязательно. Прямо лично и передам.

Петя вернулся из Нальчика через неделю и сразу зашёл ко мне, чтобы передать разговор с господином Худовым.

— Ну, как поездка прошла? Пообщался с Тимофеем Константиновичем? Как он тебя встретил?

— Меня не он встречал, а наш с тобой общий друг Падла. Привет тебе передавал. Он отвёз меня и членов комиссии в Приэльбрусье. Красивые места там. Представляешь, стоят возле трапа самолёта члены правительства Кабадино-Балкарии, председатель местного КГБ, а он высказывает с криком:

“Петя, падла, это ты, что ли?” Все обалдели вокруг. Я, честно говоря, не сразу его узнал. Мы же лет тридцать не виделись. Он теперь главный егерь Кабардино-Балкарии. Обещал приехать скоро в Москву. Мы с ним хорошо посидели в Приэльбрусье, на поляне Чегет. Чуть позже приехал и Худов со своей свитой. Я разобрался в деле по убийству милиционера на рынке. Там никакого национализма, чисто бытовуха. Милиционер сам, честно говоря, спровоцировал народ. Об этом многие говорили. Худов мне тоже клялся, что конфликт на бытовой почве, а не на национальной. Я выслушал его, а потом на ухо шепнул: “Товарищ Худов, я сделаю вид, что поверил, и доложу товарищу Андропову, что всё в порядке. А вы оставите в покое Аслана Эльбаева, а не то, Худов, худо тебе будет”. Он всё понял и больше к тебе претензий не имеет.

— Спасибо, Петя. Ну, ты молодец.

— Всё норм, профессор. Будь здоров.

Начало 70-х годов было для нас трагическим. Умер мой учитель, профессор Лемке. Он был для меня вторым отцом. Всем, что я умею в хирургии, я обязан ему. Да не только я, но и моя жена, и дочь сформировались как врачи благодаря Теодору Эрнестовичу. Последние годы он не оперировал, а был просто консультантом в клинике.

Умер он на работе, на боевом посту. Работа была его домом, он всегда приезжал в клинику рано утром, а уезжал поздно вечером. Он просто не представлял свою жизнь без клиники и пациентов.

Но как ни тяжело расставаться с учителем, следующая потеря оказалась для меня ещё страшнее. У моей Ниночки обнаружили опухоль головного мозга. Она находилась на лечении в НИИ нейрохирургии имени Бурденко. Врачи сказали, что операцию делать поздно. Это сообщение стало для меня шоком. Как-то позвонила дочка и сказала, что мама хочет меня видеть. Нина попросила всех выйти и оставить нас вдвоём. Я взял её за руку и попытался, как обычно, подбодрить.

— Ну, что, Ниноля? Как ты, родная? Всё будет хорошо, не волнуйся, любимая.

— Асланчик, мне сегодня мои родители приснились и твои тоже. Не поверишь, к себе позвали. Твои папа и мама сказали: “Нина, иди к нам, будешь нашей любимой снохой, будешь нам, как дочь родная”.

— Ниночка, рано тебе к ним. Тебе ещё жить и жить.

— Нет, Аслан, я чувствую, что ухожу. С каждым днём я слабее и слабее. Возможно, это мой последний день. Я хочу сказать тебе спасибо за всё. Ты был самый лучший муж в мире. Я не слышала от тебя ни одного плохого слова, ни разу голос не повышал и ни разу не изменил мне. Я горжусь своим мужем и буду умирать с лёгким сердцем.

— Любимая, перестань. К чему все эти разговоры? Ты будешь жить долго. Ещё и меня переживёшь.

— Нет, Аслан, я знаю, что говорю. Ты держись, главное. Меня не оплакивай. Я ни о чём не жалею. Прожила достойную жизнь с любимым мужем и дочерью. Умру с лёгким сердцем.

Я обнял свою Ниночку. И так пролежал рядом минут пять. Потом опять сказал, чтобы прекратила такие речи, поцеловал в щёку и направился в ординаторскую к профессору Коновалову. Это был лечащий врач Нины. Пообщаться нам не пришлось. Как только я вошёл в кабинет профессора, прибежала медсестра и сообщила, что моя Ниночка впала в кому.

Меня долго не пускали в реанимацию, но я чувствовал, что это конец, и хотел последние минуты быть рядом с любимой. Войдя в реанимационную палату, я потерял самообладание и со слезами на глазах бросился к Ниночке. Взяв её за руку, я шепнул ей:

— Любимая, если слышишь меня, сожми мне руку.

Она сжала мне ладонь, и слеза покатилась по её щеке. Я положил голову на грудь Нине и слушал, как бьётся её сердце. Пока сердце работает — моя любимая жива, и это меня успокаивало, но вот тахикардия сменяется брадикардией, последний стук сердца Ниночки и... Всё.

Я не помню, сколько я слёз пролил в эти минуты, потом собрался с силами, вышел из реанимации и увидел перед собой Тамару и Марию. Они смотрели на меня с ужасом, ожидая новостей. Я с трудом произнёс:

— Тома, нет больше нашей мамы, — и потерял сознание.

Я не могу сказать, сколько времени был без сознания. Когда пришёл в себя, узнал неутешительный диагноз — инфаркт миокарда. Я пролежал в реанимационном отделении около недели. Самое ужасное, что я не смог проводить в последний путь любимую жену. Ниночку похоронили без меня. Выйдя из больницы, я каждый день ходил на Новодевичье кладбище к моей Ниночке. Жизнь как таковая для меня прекратилась. Физически я, может быть, и жил, но разве можно это жизнью назвать?

Дочка сказала, что у меня была остановка сердца, и меня еле откачали. Тома очень удивилась моему вопросу: “Зачем?”

— Папа, ты в своём уме? Что значит: “Зачем?”

— Тома, я не могу без твоей мамы. Я хочу к ней. Не хочу больше жить.

— Прекрати глупости говорить. У тебя я есть, Арчил, Гурамчик. Скоро поправишься. Всё будет хорошо.

— Эх, дочка, хорошо мне уже никогда не будет. Вряд ли это кто-то поймёт, даже ты. Чтобы понять это, надо в моей шкуре побывать. Конечно, мне легче, когда близкие рядом. Так горе намного легче пережить. Ещё лучше было бы, если бы родственники приехали из Кабардино-Балкарии. Я ведь из потомков никого не знаю, а так хотелось их увидеть.

— Папа, я найду их и сообщу твою просьбу.

— Спасибо, Тома, только согласятся ли они приехать? Они меня не знают, и вряд ли я им нужен.

— Папа, ты их не знаешь тоже, и не знаешь, какие они. Давай, я дам телеграмму в Кабардино-Балкарию, может, кто-то и отзовётся.

Я ничего не ответил Тамаре и забыл о нашем разговоре. Не верил, что кто-то согласится приехать проведать меня в Москву. Я уже чувствовал себя получше, ко мне вернулся сон, пропала тревожность. Однажды я проснулся в больнице и не мог поверить глазам.

Надо мной стояли... мои братья Шалук, Мусаби и Мусост. Реально ли это? Может, это сон или бред? На мой вопрос:

— Братья, родные, вы живы? Как это возможно? — люди, стоявшие надо мной, ответили:

— Нет, дядя Аслан, мы их дети.

Тамара нашла моих племянников и отправила им телеграмму. Ребята обняли меня и представились. Хаджимуса и Жагафар — сыновья Мусаби, Ануар — сын Мусоста и Якуб — сын Шалука. Радости моей не было предела. Я увидел, наконец, своих племянников, как две капли воды похожих на своих отцов, моих братьев.

Я разговаривал с ними очень долго, расспрашивал о родных и близких. Племянники рассказали мне о своей тяжёлой судьбе, о расстреле родителей; потом детский дом, выселение с родных мест в Среднюю Азию. Много пришлось им пережить, но они не сломились, не потеряли человеческий облик, сохранили честь и достоинство. Я был очень доволен племянниками и гордился ими.

Они все были женаты, и у них уже были дети, внуки моих братьев. Все имели высшее образование, окончили вузы и работали на благо нашей Родины. Я сказал, что очень горжусь ими, они так же ответили мне. Знали обо мне, многое слышали, гордились, что у них дядя профессор, хирург.

Только связь со мной поддерживать они никак не могли. После того как я стал в республике персоной нон грата, после моего конфликта с господином Худовым связь со мной была опасна для карьеры. Даже имя моё нельзя было упоминать.

Я попросил племянников привезти мне яблочек с нашего эльбаевского поместья, района Чалмалла, узнав, что яблоневоый сад сохранился. Также попросил немного воды из родника, который находился в горах, рядом с моим родным селением Былым.

Через пять дней ко мне приехал Якуб, сын Шалука, и привёз воду и яблоки. От запаха родного яблоневого сада Чалмаллы мне стало намного легче на сердце. А после того как я сделал глоток родниковой воды из Быльма, я перестал вообще чувствовать боль и слабость. Вернулись сила, бодрость, жизненная радость. Вода родной земли сделала то, что не могли сделать импортные лекарства из Швейцарии, Италии и Австрии. Я поблагодарил Якуба и, попросив племянника посидеть со мной немного, разговорился с ним.

— Якуб, неужели наш яблоневый сад в Чалмалла ещё цел?

— Да, дядя Аслан, пока держится, слава Аллаху. Только жилища наши полуразрушены, из них сараи сделали.

— Я не удивлён. Эти твари всё в стране в сарай превратили. А как наш домик в Быльме? Не разрушили его ещё? Я в последний раз после войны там был, тридцать лет назад.

— Нет, там Шура живёт сейчас, дочка Али. Привет вам передавала, очень переживает за вас.

— Ой, как хорошо! Значит, Жанчи Думанова всё-таки вырастила её, как и обещала? Как у неё дела?

— Слава Аллаху, хорошо, она замужем, у неё пятеро детей и двое внуков.

— А Жанчи как? Как её дети?

— У неё всё нормально, дети рядом с ней, внуки тоже. Хасанби, её младший сын, председатель совхоза в Быльме.

— Молодец наша Жанчик, несмотря на тяготы жизни, гибель мужа, сумела вырастить не только своих детей, но и мою племянницу. Сделать их достойными людьми. А то сейчас как бывает? Родители своими делами заняты, а из детей непонятно что получается из-за недостаточного внимания и воспитания. Якуб, а вы-то как жили после гибели родителей? У моего брата Шалука вас четверо было, правильно?

— Всё верно, дядя Аслан. Ну, нас тоже не бросили родственники. Ваша родная сестра и наша тётя Хани воспитала и вырастила меня и моих сестёр Маржан и Налжан.

— А твой старший брат Юсуп?

— К сожалению, погиб в сорок восьмом году, попал под грузовик.

— Кошмар! А Хани? Живая, я надеюсь?

— Нет, к сожалению, умерла в прошлом году.

— Ужас. Уходят все близкие мне люди. Хани была единственной родной сестрой, после смерти братьев оставалась единственно родным человеком. А я вот недавно жену похоронил, с которой прожил почти сорок лет.

— Я знаю, дядя Аслан, мы очень переживали за вашу супругу и за вас. Вы после смерти жены совсем губите себя и свою жизнь. Нельзя же так!

— А как иначе, Якуб? Да и зачем мне жить уже? Родители, братья, сестра и жена на том свете. Что мне без них в этом мире делать? Вы молодые, вам ещё жить и жить. У вас есть будущее. Ты сам-то женат? Дети есть?

— Да, женат. Жена Сафият и доченька Мадиночка.

— Слава Аллаху! Любите друг друга и берегите. Постарайтесь воспитать Мадину достойным и порядочным человеком. Было бы неплохо, если бы твоя дочь стала врачом. Но главное, чтобы она была человеком, гордо носящим и прославляющим фамилию Эльбаевых.

Якуб уехал на родину, и я мог ему только позавидовать. Благодаря Худову, дорога домой мне была заказана. Даже если бы меня пустили в Кабардино-Балкарию, здоровье уже не позволяло мне физически преодолевать большие расстояния.

Да мне и не хотелось уезжать далеко от моей Ниночки. Историческую родину я, конечно же, любил, но я прожил сорок лет в Москве с моей Ниной и не мог представить, как я буду без неё даже минутку.

Первым делом, выйдя из больницы, я пошёл на Новодевичье кладбище, к своей любимой. Я ходил туда каждый день, ухаживал за могилкой, тихо про себя беседовал с женой.

Мне в какой-то мере повезло. Сколько пропавших без вести людей было на войне? Сколько матерей, жён и детей солдат не знали о судьбе родных

и не знали, где их могилы? А моя Ниночка была рядом, что меня успокаивало.

А мой родной балкарский народ? Сколько моих земляков и сородичей осталось лежать в безымянных могилах в Средней Азии? Сколько их, не вернувшихся на родину и не увидевших родные балкарские горы? Ну и, соответственно, сколько моих земляков, которые не знают, где их родные похоронены?

Многие потерявшие близких так и говорили. Не будем оплакивать родных, если узнаем, где из могилы. Хоть умершие, но зато они рядом и с нами навечно. То, что мы не знаем даже, где они похоронены, убивает нас. Если бы узнали и имели возможность посещать их могилы, это успокоило бы наши сердца.

Так мне говорили родственники пропавших без вести. В том числе и мои родные. Ведь я не знал, где похоронены мои братья. Их расстреляли и похоронили в общей яме. А где именно, никто не знает. Через несколько дней ко мне в гости приехал Хусей Залиханов, наш знаменитый Падла. Я в этот день выписывался из больницы. Хусей помог мне собраться и вместе с моим зятем Арчилом отвёз меня домой. Это был первый день в моей квартире без любимой Ниночки. Мне было очень тяжело осознавать, что Нины больше нет.

Я попросил Хусея погостить у меня. Всё-таки, когда родные рядом, горе легче перенести. Чтобы как-то отвлечься, я беседовал с Хусеем на разные темы. Одна из актуальных, естественно, была тема реабилитации балкарского народа. В Кабардино-Балкарии об этом нельзя было говорить. Почему? Для меня это загадка. Естественно, меня молчать никто не мог заставить. Весна 1944 года всегда будет стучать в моей голове, сколько бы времени ни прошло. Да и как можно забыть и простить многочисленные смерти людей от голода, резкой смены климата, и отчаяния, обусловленного непредсказуемостью, неизвестностью будущего, оторванностью от родных гор и родного очага?

Самое ужасное здесь не само переселение, а участь нести крест унижения за то, чего ты не делал, в чём неповинен, о чём не даже не помышлял. Ярлык предателя, изменника Родины...

Были, конечно, и предатели, и банды в горах, выступавшие против Советской власти. Однако у других народов, в том числе и титульных, изменников Родины было больше, чем самих балкарцев, вместе взятых. Только почему-то тех никто никуда не переселял.

Слава Аллаху, справедливость восторжествовала, и мой балкарский народ в 1957 году вернулся на родину. Это, безусловно, хорошо, и я безмерно счастлив. Только почему о депортации не позволяют писать в газетах и журналах? Пресса, к сожалению, не особо богата публикациями воспоминаний конкретных людей с изломанными судьбами.

Важны не только воспоминания отдельных людей. Нужны книги, фильмы, своего рода энциклопедия переселения. Надо дать возможность написать, рассказать, выговориться каждому, кто хочет быть услышанным, кто несёт в душе тяжёлый груз депортации.

Несмотря на огромные людские потери, балкарский народ сумел воссоздать себя и обогатить национальную культуру. Это великий подвиг и великое достижение. Об этом тоже надо писать и говорить.

Хусей со мной соглашался, но поделаться ничего не мог. Чуть позже зашёл Петя Хрусталёв пособолезновать, и мы сменили тему, так как я пообещал Петру Сергеевичу не допускать подобных разговоров. Больше вспоминали Ниночку, каким золотым человеком была моя супруга.

24

Я бродил вечерами по улицам Москвы, где раньше мы гуляли с Ниной. Работу в клинике я переложил на зятя. Арчил был перспективный хирург и учёный. Защитил докторскую диссертацию. Он был мне, как сын. Всегда помогал мне.

Однажды в очередной раз я пришёл на Новодевичье кладбище. Только здесь мне было легко на сердце. Я мог поделиться с Ниной всем, что у меня на душе, и чувствовал, что она рядом и слышит меня.

Захожу, как обычно, на территорию кладбища, прохожу по центральной аллее, поворачиваю направо, ближе к монастырю, подхожу к знакомой могиле, памятник с Ниночкиной фотографией. Сажусь рядом на скамейку и про себя беседую с любимой:

— Здравствуй, родная. Прости, что так долго не приходил к тебе. Работы много очень, да и здоровье после твоей смерти пошатнулось. Эх, Ниночка, если бы ты знала, как мне тяжело без тебя. Дня нет, чтобы я не вспоминал о тебе, любимая. Очень надеюсь, что скоро уйду к тебе. Помнишь, любимая, когда я впервые тебя увидел за столом в квартире Серго Орджоникидзе? Я смотрел на тебя отрешённо от внешнего мира. Не слушал, что мне говорят Серго Константинович и Теодор Эрнестович. Хотя они обсуждали моё будущее, мою карьеру и жизнь. А мне всё это неинтересно было, я был ослеплён твоей красотой и обаянием. Ничего на свете не нужно было, лишь бы быть с тобой, любимая. А как я был счастлив, что моя мечта сбылась! Это великое счастье — быть рядом с любимой всю жизнь и жить с ней.

У нас, у балкарцев, если человек нехороший, говорят “жарлы адам”, то есть несчастный человек. Меня это удивляло. Почему не сказать “сволочь, мразь, подонок”, да и ещё пару ласковых? Мама меня учила, что плохими словами и оскорблениями обидчику отвечают только невоспитанные люди. А культурные, интеллигентные и воспитанные люди о человеке, сделавшем что-то плохое, говорят просто — несчастный человек, что с него возьмёшь.

С годами понял смысл этих слов. Если человек несчастен, нет счастья в личной жизни, он становится злобным, раздражительным и подлым. Завидует счастливым людям и старается мелко и подло гадить им. Если же человек счастлив и в личной жизни, и в семейной, и на работе, и в обществе, он никогда не будет озлобленным и невежественным.

Мне в этом плане повезло. У меня был золотой учитель. Я прожил сорок лет с любимой Ниночкой, у меня была прекрасная семья, жена, дочь, зять. Была любимая работа, практика хирурга, теория научного работника. Я благодарен Аллаху за то, что он подарил мне такую жизнь.

Конечно, круглому сироте, которого лишили братьев и родителей, казалось, счастливым быть не суждено. Только я уверен, что Всевышний Аллах специально привёл в мою жизнь Ниночку, чтобы в жизни у меня была любовь, домашний уют, семья и огромное счастье.

За это я благодарен тебе, Ниночка! Тебе и всему великому роду Орджоникидзе во главе с Серго Константиновичем. За то, что приютили меня, вырастили, выучили и подарили огромное счастье по имени Нина.

Почему я несколько раз повторил слово БЫЛА? Была семья, была работа. Потому что, Ниночка, я чувствую, что уже ухожу из этого мира. Ухожу к тебе, к родителям, к братьям. А что меня держит на этом свете? Кому я нужен? Да и я своё предназначение в этом мире выполнил. Дочь вырастил, выучил, замуж выдал. Подготовил несколько десятков кандидатов и докторов медицинских наук. Что мне ещё нужно в этой жизни, да и сама жизнь — нужна ли она?

Знаю, что меня осудят за такие кощунственные слова, но это моя жизнь! Понимаю, когда дочка увидит мой дневник, она будет крайне недовольна.

Эх, доченька, знала бы ты, как мне тяжело жить, тогда не осудила бы за желание умереть поскорее. Что бы я посоветовал дочери и всему подрастающему поколению? Оставайтесь людьми и относитесь к окружающим человечески. Творите добро и не держите зла на душе.

Помните о Всевышнем. Он всё видит, и за всё перед ним нужно будет ответ держать. Не позволяйте грубости по отношению к людям. Помните, что вы врачи и должны быть примером для окружающих. Старайтесь помогать людям, даже тем, кто вас обидел чем-то. Знайте, сволочь и подонок может быть сволочью за пределами больницы, а в клинике и на больничной койке он больной. Вы обязаны оказать помощь и вылечить его.

Не забывайте родных и близких, знайте, что каждая встреча может оказаться последней. Торопитесь жить и творить добро — это так прекрасно, когда у вас в сердце и на душе только доброта, радость и любовь. Человек со злобой и камнем на душе, как правило, несчастен и жалок.

Делитесь личным и сокровенным только с близкими людьми. Помните, что изливать душу нужно только в герметичный и непротекаемый сосуд. Убедитесь, что сосуд ваш не протекает. Старайтесь совершенствоваться в профессии и пишите.

Пишите воспоминания, интересные случаи из жизни и практики, описывайте, будьте смелее и самокритичнее, не забывайте писать и о своих ошибках. Ведь последующие поколения будут учиться на ваших ошибках и будут мудрее.

Не обижайте родных людей, которые преданы вам и готовы ради вас на всё. Столько друзей у меня и родственников было, но рядом в трудные минуты была только моя Ниночка и наша доченька Тамара.

Многому меня научил профессор Лемке. Я был ему благодарен, он был для меня, как отец. Я хотел всё, чему меня научил Теодор Эрнестович, передать молодёжи, подрастающему поколению хирургов. Мечтал создать свою научную школу, но, видимо, не суждено. После смерти Нины я перенёс два инфаркта и вряд ли долго проживу.

Я в очередной раз пришёл к Ниночке на могилку. С ней рядом мне было легче на душе. Я не мыслю себе жизни без неё. Я ей рассказываю о своей жизни, советуюсь с ней, и мне кажется, что она меня слышит. Чувствую, что она рядом со мной всегда. Возвращаясь домой с Новодевичьего кладбища, я всегда думаю вот о чём: как часто мы обижаем друг друга, срываем злость на родных любимых и не понимаем, что каждая встреча и беседа может стать последней.

Вот я не выполнил какое-то поручение Касыма, он поругал меня, а помириться не успели. Его забрали калмыковские шакалы и расстреляли. Ругался с Шалуком и Али и посмеивался над их желанием отправить меня к Орджоникидзе. Не понимал, глупец, что братья спасают мне жизнь. Извиниться перед ними тоже не смог. Мы больше не встретились, и поэтому совесть мучила меня всю жизнь.

Вот так же с Ниночкой. Сколько раз я обижал её неосторожным словом, действием, не понимая, что делаю больно своей любимой. А когда поймёшь, бывает уже поздно, любимого человека больше нет. Ты плачешь, просишь прощения, просишь её вернуться, но это невозможно. Кричишь, плачешь, говоришь: “Прости, любимая”, — но уже поздно. Поэтому любите друг друга и не обижайте любимых.

25

На этом дневник закончился. Я закрыл последнюю страницу и очень долго находился под впечатлением. Почему дневник не заканчивается словами прощания с читателями?

Возможно, Аслан Хатуевич хотел продолжать описывать свои воспоминания и дальше, сколько это возможно, вести свой дневник. Это логично. Ведь он не мог предположить, что с ним случится. Конечно, он ждал смерти и готовился к ней, понимал и чувствовал, что силы его уходят, но когда и как это произойдёт, знать он не мог. А произошло следующее.

Со слов его дочери, Тамары Аслановны, её отца нашли без сознания на могиле супруги. Доставили в клинику, где он провёл свои последние дни.

Он очень долго не приходил в сознание. Приезжали родственники из Кабардино-Балкарии, очень переживали за него. Они были настроены забрать Аслана Хатуевича, но Тамара Аслановна им объяснила, что отец завещал похоронить его рядом с любимой женой.

Он находился целую неделю в коме, по заключению врачей, у него случился геморрагический инсульт, и шансов на выживание практически не оставалось. Помимо родственников Эльбаевых, в Москву приехала Зульфия

Ахматова — та самая женщина, которую в детстве любил Аслан Хатуевич.

Они не виделись сорок пять лет. Когда родители и братья отправляли Аслана в Москву, чтобы спасти ему жизнь, он не успел попрощаться с Зулей. Как было описано в дневнике профессора, Зуля уехала с мамой из Былыма после ареста отца.

Выяснилось, что мама-карачаевка увезла Зулю на историческую родину в Теберду. С тех пор они не виделись. Когда Аслан Хатуевич приезжал в Кабардино-Балкарию, Зуля с семьёй была в ссылке в Киргизии.

Сколько же их было, этих людей, в те годы? Разлучённых на многие десятилетия, а то и навечно.

Зульфия склонилась над Асланом Хатуевичем. Сказала: “Это я, Зуля”, — и запела балкарскую песню, которую они пели вместе, когда учились в школе. Аслан Хатуевич открыл глаза, посмотрел на Зулю и сжал ладонь женщины, которая была его первой любовью.

Он держал руку Зульфийи около минуты, смотрел на неё с улыбкой, после чего расслабил свою ладонь и закрыл глаза, опрокинув голову набок. Аппарат в это время показал клиническую смерть. Аслан Хатуевич умер.

На лицо профессора легла улыбка, вероятно, потому, что он встретился с родными и любимой женой Ниной. Судя по дневнику, он ждал смерти и хотел уйти к своим родным поскорее. Можно ли его осуждать за это? По крайней мере, понять его можно.